

Глава 5

Научное наследие, научно-преподавательская и музейно-просветительская деятельность А.М. и Л.А. Мерварт в МАЭ в 1924–1930 гг.

Научная работа А.М. и Л.А. Мерварт практически неотделима от их собирательской и музейной деятельности. Исследования в области языков, литературы, религий, театра, материальной культуры народов Цейлона и Индии помогли неутомимым исследователям профессионально осуществлять приобретение экспонатов для Музея антропологии и этнографии, а позднее все их знания пригодились при работе над экспонированием собранных ими коллекций в родном музее.

На Цейлоне Л.А. Мерварт изучала сингальский язык, быт и обычаи сингалов. Впоследствии прежде всего ее усилиями была подготовлена книга «В глуши Цейлона» [Мерварт, Мерварт 1929] — первый очерк из предполагавшейся серии этнографических очерков о народах Южной Азии. В значительной степени это полевые записи, которые вела Людмила Александровна в 1914–1915 гг. Книга, изданная в популярном издательстве П.П. Сойкина, уже давно стала библиографической редкостью. Усилиями Н.Г. Краснодембской текст переиздан в 1997–1998 гг. [Мерварт, Мерварт 1997; 1998].

В 1915 г. для журнала «Цейлонский антикварный и литературный регистр» была подготовлена статья Л.А. Мерварт о Паттини-деви. Она записала текст легенды о богине со слов профессионального сказителя в дер. Руванвелла в области Сабарагамува. Помощь в переводе оказал Джон М. Сенавиратне. Он заполнил в полевой записной книжке Л.А. Мерварт несколько страниц по-английски [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 155–157, 188–189] и по-сингальски [Там же. Л. 147], и этот фрагмент вошел в статью [Meerwarth-Lewina 1916–1917: 32, сн. 8]. В письме из Коломбо 24 июня 1915 г. он уточнил некоторые сведения о сюжете [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 76. Л. 1–1 об.]. В переработанном виде статья была опубликована в Ленинграде в 1929 г. [Мерварт Л.А. 1929б].

А.М. Мерварт в большей степени занимался изучением санскрита, буддизма, санскритской, в том числе буддийской, литературы, тамильским языком, литературой на тамильском языке. Для того же цейлонского журнала “*Ceylon Antiquary and Literary Register*” им была написана на английском языке [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 2–8] статья «Очерки сингальского фольклора» [Вигасин 2003: 382]. Она должна была стать вводной к будущей серии очерков компаративистского исследования, в которых Мерварт намеревался проследить историческое развитие сингальской сказки. В своем кратком очерке А.М. Мерварт высоко оценил труды британского инженера Генри Паркера (1849–1924), прикомандированного к Министерству ирригации в 1873–1904 гг. В те годы Паркер собрал и перевел огромный пласт сингальских сказок [Parker 1910; 1914a; 1914b] касты земледельцев и разных низших каст, а также записанных у веддов, и сказки южноиндийского происхождения [Meerwarth 1915]. Но больше к теме сингальского фольклора Мерварт не возвращался.

В Индии А.М. Мерварт перевел все недавно обнаруженные пьесы Бхасы с санскрита на русский язык, а также предпринял перевод на русский язык с тамильского поэмы «Манимехалей» [Вигасин 2003: 384]. Научная деятельность А.М. Мерварта была отмечена его избранием 2 мая 1917 г. иностранным членом Ази-

атского общества Бенгалии (Asiatic Society of Bengal) в Калькутте [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 8]. Д-р Н. Аннандель, вице-президент Азиатского общества Бенгалии, рекомендовал его как помощника хранителя МАЭ. А.М. Мерварт 6 июля 1917 г. в помещении общества прочитал лекцию «Драмы Бхасы: литературное исследование», текст которой опубликован в декабре 1917 г. в «Журнале и записках Азиатского общества Бенгалии» [Meerwarth 1917a]. Этому тексту дал высокую оценку исследователь русской индологии, историк, профессор МГУ А.А. Вигасин: «С точки зрения исследователя, основной проблемой являлась датировка текстов пьес, а не проблема авторства именно Бхасы (о чем преимущественно дискутировали ученые). Особое внимание он уделил драме “Свапнавадатта”, которая и ныне с наибольшими основаниями может считаться древнейшей. Для датировки текста исследователь предлагал несколько критериев — сопоставление с эпосом, с “Натьяшастрой” и т.д. Он сравнивал драму с сочинениями Калидасы и находил, что если последние напоминают стиль искусства гуптской эпохи, то “Сапнавадатта” ближе вкусам кушанского времени. Общая тенденция развития индийской эстетики, по мнению Мерварта, — от простоты и реализма к утонченному изяществу. Видимо, не все драмы казались ему столь же древними, как “Сапнавадатта”, во всяком случае в “Балачаритре” он усматривал нечто вроде средневековой мистерии» [Вигасин 2003: 385].

Выполняя обязанности хранителя этнографической экспозиции Индийского музея в Калькутте, А.М. Мерварт опубликовал два путеводителя. Путеводитель по коллекции музыкальных инструментов [Meerwarth 1917b] был отмечен положительной рецензией британского антрополога Генри Лин Рота в журнале “Man” в 1919 г. [Rev. by Ling Roth 1919].

Другой путеводитель по племенной экспозиции, представлявшей Андаманские и Никобарские острова, а также племена Ассама (Abors, Mishmis, Nagas, Kukis, Manipuris, Mikirs, Khasis, Garo), вышел в свет в 1919 г. [Meerwarth 1919]. Путеводитель был переиздан в 1980 г. в Индии, и в предисловии сотрудник отдела-

ния истории Университета Гувахати (Ассам) Н.Н. Ачария писал, что он сумел получить фотокопию путеводителя в 1955 г. в Англии, и с тех пор подобных публикаций не было. А.М. Мерварт написал оригинальную книгу, не просто путеводитель, но источник, имеющий целью стимулировать интерес исследователей к региону. С этой целью в конце каждого раздела добавлен список литературы и предметов, которые еще необходимо собрать для Индийского музея (*Desiderata*) [Meerwarth 1980]. Укажем, что этой тактики А.М. Мерварт придерживался и далее, решая задачу пополнения этнографических коллекций МАЭ и европейских музеев.

В 1924 г. по возвращении в Ленинград Мерварты принялись разбирать привезенные ими предметы. «Разбор коллекций начали почти сразу по приезде, едва устроившись на казенной квартире (тут же рядом с МАЭ — Университетская наб., д. 1). В это время шла подготовка к 200-летию Академии наук, и в честь этого события в кратчайший срок была создана новая экспозиция индийского отдела: тогда она занимала весь двухсветный зал с шестью парами окон на втором этаже. В 79 шкафах, на четырех подиумах и семи щитах были выставлены привезенные коллекции, дополненные предметами и из более ранних собраний. Новая экспозиция широко и разносторонне представляла быт и традиции народов южноазиатского ареала (а также Бирмы и Сиамы <...> К началу 1926 г. уже был составлен насыщенный, детализированный путеводитель по вновь созданной экспозиции, фактически явившийся сжатым, но очень содержательным очерком материальной и духовной культуры изученного ими региона)» [Краснодембская 1997: 322–323].

В МАЭ Мерварты провели колоссальную работу по разборке и регистрации индийских и цейлонских коллекций. Вещи распределили по тематическим коллекциям, зарегистрировали и описали предметные и иллюстративные коллекции.

Заметим, что описи, составленные позже, в 1927–1929 гг., содержат нередко лишь наименование предмета, иногда минимальный комментарий; видимо, Т.А. Корвин-Круковская спешила за-

регистрировать предметы, оставив подробное их описание на потом.

В МАЭ «занимались» (работали с предметами и одновременно проходили обучение) студенты. В отделе Индии с августа 1926 г. — Б.С. Благовещенский, с ноября 1926 г. — А.А. Зеленецкий; в отделе Индонезии с февраля 1926 г. — Б.Л. Богаевский («изучал примитивное искусство»), с октября 1926 г. — Н.А. Елачич («определял музыкальные качества яванских бамбуковых колоколов») [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 7. Л. 12], Л.А. Мерварт просила дать пропуск научному сотруднику Геологического комитета Владимиру Семеновичу Домбровскому с 27 августа по 1 июня 1928 г. для занятий в отделе Индонезии [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 3. Л. 307].

Борис Сергеевич Благовещенский занимался в отделе Индии МАЭ в качестве частного сотрудника, не получающего вознаграждение [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 7. Л. 85, 86] (что было принято в музее с конца XIX в.). В частности, он составлял списки коллекций из бывшего музея Штиглица. Вернувшись из зарубежной командировки, А.М. Мерварт 15 октября 1927 г. отправил ему из Ленинграда рекомендательное письмо с письменным признанием *«той усердной и вдумчивой работы, которую Вы в течение года почти безвозмездно делали для Индийского Отдела. Надеюсь, что при случае эта рекомендация Вам пригодится, и желаю Вам от всей души дальнейшего преуспеяния на Вашем жизненном пути»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 19].

В феврале 1925 г. А.М. Мерварт и ученый хранитель В.М. Лемешевский были избраны в число выборщиков от МАЭ в Выборную комиссию по перевыборам директора МАЭ Е.Ф. Карского, представителями же Историко-филологического отделения РАН были С.Ф. Ольденбург и Н.Я. Марр [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1925. Ед. хр. 174. Л. 148 об.].

А.М. Мерварт развернул в Ленинграде преподавательскую деятельность [Соболева 2014ж]. С 1924 г. он был ученым хранителем МАЭ и доцентом в Ленинградском институте живых восточ-

ных языков им. А. Енукидзе (наследника Восточного факультета Императорского Санкт-Петербургского университета) по страноведению Индии и тамильскому языку, с 1925 г. — доцентом факультета языка и материальной культуры (Ямфак) ЛГУ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 35]. Университетские курсы об индийской этнографии были им прочитаны с 1924 по 1928 г. в Ленинградском восточном институте и с 1925 по 1927 г. — на Восточном цикле на факультете языкознания и материальной культуры ЛГУ [Там же. Л. 34 об.]. Программа курса «Этнография Индии» заинтересовала председателя Этнографического отделения Географического факультета ЛГУ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 4. Л. 10–11]. Для Этнографического отдела Геофака он был готов прочесть в 1928 г. курсы «Музееведение» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 32] (который ранее читал Л.Я. Штернберг) и «Этнография индийских народностей» [Там же. Л. 34], в 1929 г. — курс «Этнография Индии» [Там же. Л. 48], а 15 апреля 1929 г. подал в Президиум Исследовательского института при этнографическом отделении ЛГУ докладную записку «О желательности учреждения секции музееведения» [Там же. Л. 51]. Для Ленинградского института живых восточных языков Александр Михайлович разработал план курса «Политическая и социальная история Индии» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 4. Л. 27–27 об.], в 1927–1928 гг. — «Страноведение Индии» (для 1 курса — география и этнография, для 2 курса — политическая и социальная история), «Тамильский язык» (для 1 курса — грамматика, чтение легких текстов, разговорный язык, для 3 курса — чтение и объяснение текстов из классической литературы, научный стиль) [Там же. Л. 23]. По кафедре санскрита и новых индийских языков факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ он предлагал в 1927 г. читать курсы «Этнология Индии» и «Введение в сравнительную грамматику дравидийских языков», предназначенные для слушателей Геофака и Ямфака [Там же. Л. 22]. С 1929 г. читал курс о религиях Индии в антирелигиозном цикле Ямфака ЛГУ [Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т. 13. Л. 296].

В результате этой работы Александр Михайлович Мерварт подготовил первый в отечественной науке учебник тамильского языка [Мерварт А.М. 1929б; 1932]. В 1928 г. как лингвист он подготовил опубликованный в «Докладах Академии СССР» труд на английском языке «История интервокальных остановок в дравидийских языках» [Meerwarth 1928].

В архиве РАН сохранились составленные им планы курсов «Современные религиозные системы Индии» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 53–53 об.] и «Введение в дравидийское языковедение» [Там же. Л. 54].

Как суммирует А.А. Вигасин, «на разных курсах Мерварт вел занятия по географии и этнографии Индии, политической и социальной грамматике дравидийских языков, индийским религиям, музееведению, преподавал литературный и разговорный тамильский язык» [Вигасин 2003: 389].

Он включал в программу занятия на индийской экспозиции МАЭ [Котин, Краснодембская, Соболева 2015]. Заявки на занятия поступали из разных вузов. Так, Рабочий факультет Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена просил 7 декабря 1925 г. в 11.00–15.00 провести экскурсию по отделам Австралии, Африки, Индии для студентов III курса, две группы по 45 чел., хотя в понедельник МАЭ был закрыт [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 347]; 2 февраля 1926 г., в субботу, в 11.00 — группа преподавателей (30 чел.) Школьной экскурсионной станции просила разрешения посетить отдел Индии для занятий с А.М. Мервартом [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 5. Л. 4].

А.М. Мерварт с 1924 г. вводил преподавание тамильского языка в ЛГУ. 25 мая 1927 г. он писал неперемennomу секретарю АН СССР академику С.Ф. Ольденбургу:

«Одним из результатов нашей командировки в Индию является преподавание тамильского языка в местных высших учебных заведениях и разработка научных проблем из области дравидоведения, которой я занялся с момента моего возвращения в 1924 г. В настоящий момент я заканчиваю грамматику разго-

ворного тамильского языка, построенную таким образом, чтобы дать лингвистический материал для специалистов-тамилистов, с одной стороны, и для языковедов вообще, с другой стороны. Мою нынешнюю командировку в Париж я предполагаю использовать для проверки грамматики вместе с тамилом, а также для собирания материалов для тамильской хрестоматии. Насколько это в моих силах, я постараюсь культивировать эту отрасль индологии. Одним из главных затруднений является невозможность печатать работы вышеуказанного характера в нашей типографии и вообще в Ленинграде ввиду отсутствия тамильского шрифта. Из разговора с зав. Академической типографией В.В. Нордгеймом я узнал, что типография охотно будет печатать тамильские тексты, если она будет снабжена соответствующим набором шрифта. Для нужд ближайшего времени достаточно 50 кг шрифта. Т.к. я буду в Лейпциге, где такой шрифт можно получить, я бы охотно взял на себя покупку и отправку его в том случае, если Президиум постановит ассигновать небольшую сумму — около 200 руб. — из золотого фонда, находящегося в распоряжении Академии в Берлине. Зав. типографией заявил мне, что типография сможет из своих сумм покрыть разницу в том случае, если расходы на приобретение и отправку превысят 200 руб. Отправка будет прислана малой скоростью до Гамбурга и русским пароходом от Гамбурга до Ленинграда. Очень прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Федорович, поддержать мое ходатайство перед Президиумом и Правлением, т.к. от этого зависит в значительной мере успешный ход моей научной работы и развитие дравидоведения в нашем Союзе» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 18–18 об.].

Президиум АН СССР 28 мая 1927 г. (§ 10) поддержал просьбу зав. отделом Индии А.М. Мерварта о приобретении из средств золотого фонда Академии наук за 200 руб. необходимого для академической типографии тамильского шрифта для печатания тамильских текстов, просил Правление снестись с уполномоченным Академии наук в Берлине по заграничным заказам [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 5. Л. 411].

В 1926 г. А.М. Мерварт возобновил переписку с индийскими коллегами. Когда суперинтендант Правительственного музея в Мадрасе Фредерик Генри Грейвли (Dr. F. H. Gravely) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 6] просил его помочь приезжающему в Ленинград профессору Гопаласвами (Prof. Gopalaswami), 6 сентября 1926 г. А.М. Мерварт обещал это сделать, указывал, что интересные тому исследования ведутся в физиологической лаборатории профессора И.П. Павлова. Благодарил за присылку тамильских каталогов из Мадраса, которые ему, возможно, отправил библиотекарь Университетской библиотеки. Особо акцентировал, что книги и газеты на тамильском языке ему нужны для преподавания этого языка в ЛГУ и Восточном институте, и просил выслать комплект газет за два-три месяца на сумму 30 рупий. Другой просьбой А.М. Мерварта было договориться с одной из ведущих тамильских газет, чтобы его имя включили в список подписчиков на год и регулярно посылали газеты, а также 2–3 комплекта старых газет за месяц. Он признавался: «Чувствую себя несколько ограниченным из-за нехватки современной тамильской прозы» [Там же. Л. 6]¹.

6 сентября 1926 г. А.М. Мерварт обращался к своему старому знакомому махопадхья² пандиту Венкатараму Шастри (Mahopadhyaya, Pandit Venkataram Shastri Vidyabhusana) в городок Ченганнер княжества Траванкор (Chengannur, Travancore) относительно санскритских рукописей.

Судя по письму, тот испытал определенные трудности при отправке в Ленинград нескольких рукописей. В частности, было получено три манускрипта «*ola*» на продажу. А.М. Мерварт по финансовым причинам рукописи не покупал, но предложил их

¹ При Государственном музее Ченнаи имеется богатейшая публичная библиотека — Connemara Public Library, основанная в 1890 г. И.Ю. Котин и Е.С. Соболева посетили музей и библиотеку в 2014 г. и убедились в ее современной популярности.

² Mahopadhyaya (санскрит. «Великий учитель») — титул, который в Древней Индии присваивался ученым-брахманам, которые писали труды, основанные на темах, связанных с шастрами.

в Азиатский музей. Хранитель санскритских рукописей не выразил особого интереса к присланным рукописям, но был готов приобрести их, если цена будет не слишком велика. А.М. Мерварт благодарил пандита («дорогой Mahamaharadhya») за книгу о *катхакали*, которая помогла ему при подготовке статьи об этом южноиндийском театре [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 7–7 об.].

В августе 1926 г. А.М. Мерварт отправил рукопись своей статьи “The Kathakalis of Malabar” и 11 иллюстраций для публикации в авторитетном журнале французского Азиатского общества. 21 сентября 1926 г. он осведомлялся по-французски у редколлегии журнала, получен ли текст [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 1–1 об.]. Очерк А.М. Мерварта «Катхакали Малабара» вышел во французском переводе в том же году в четвертом томе журнала [Meerwarth 1926].

А.М. Мерварт организовал выпуск из-за границы литературы по бенгальскому фольклору, литературе и этнографии. Он был заинтересован в присылке каталогов и книг (сказки, народные песни, описание обрядов, ритуалов, праздников и т.п.), романов и газет на бенгальском языке. Для оплаты заказов он был готов открыть счет и регулярно его пополнять. Коммуникацию по этой теме просил вести через Т.А. Корвин-Круковскую [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 2]. В МАЭ прислали среди прочих каталог книг издательства “Panini Office”, Аллахабад, Индия [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 10].

Секретарю Азиатского общества Бенгалии (Asiatic Society of Bengal) А.М. Мерварт предложил исследовать тему деятельности Герасима Лебедева в Калькутте на базе индийских и российских архивов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 8].

Отметим, что имена первого российского индолога Герасима Степановича Лебедева (1749–1817) и организатора первой экспедиции МАЭ (1914–1918) на Цейлон и в Индию Александра Михайловича Мерварта (1884–1931) не так давно стали известны российским исследователям. Однако то обстоятельство, что А.М. Мерварт готовил к публикации биографию славного уроженца Ярославля,

малоизвестно. Через сто двадцать один год и тоже в Санкт-Петербурге вслед за книгой Г. Лебедева «Беспристрастное созерцание» (первое издание — 1805 г.) появилась новая оригинальная исследовательская работа, попытка «беспристрастного созерцания» индийцев в начале двадцатого века [Лебедев 2009].

Личность и труды Герасима Лебедева, которого считают первым русским индологом, привлекли внимание А.М. Мерварта. Однако тот факт, что интерес к жизни и творчеству Г.С. Лебедева возник у А.М. Мерварта уже после его возвращения в Ленинград, позволяет предположить, что вызван этот интерес был наличием ряда общих исследовательских тем, вероятно, темой традиционного (народного) индийского театра [Котин 2017].

Долгое пребывание в Индии, вероятно, сказалось на интересе А.М. и Л.А. Мервартов к россиянину, долгие годы проведшему в этой стране. Отметим и другие точки пересечения интересов двух отечественных индологов. Герасим Лебедев интересовался индийским традиционным театром и сам создал стационарный театр с постановками на бенгальском языке. А.М. Мерварт изучил разные виды народного индийского театра, стал пионером изучения южноиндийского традиционного театра *катхакали*, был редактором и автором ряда статей в сборник «Восточный театр». Оба исследователя интересовались живыми индийскими языками. Перу Герасима Лебедева принадлежит очерк грамматики калькуттского варианта хиндустани, таким образом, он — бесспорный пионер изучения живых североиндийских языков. Александр Мерварт считается основоположником отечественного тамиловедения, автором первого учебника тамильского языка. Важный этап деятельности обоих связан с югом Индии и, конечно, с Калькуттой. Оба отдали дань изучению индийских обычаев, культуры, традиционного календаря. Приоритет здесь, конечно, за Герасимом Лебедевым, оказавшимся в Индии раньше на сто лет, чем Мерварты, но и заслуга последних в изучении Индии велика.

О Г.С. Лебедеве и о его попытке создания театра на бенгальском языке А.М. Мерварт, вероятно, в 1917 г. не знал, иначе он мог бы просмотреть подшивки калькуттских газет, которые

должны были быть в библиотеке Серампурского университета. Но при подготовке выставки «Театр народов Востока» у А.М. Мерварта возник уже серьезный интерес к жизни и деятельности Г.С. Лебедева.

С целью получения более подробной информации о деятельности Герасима Лебедева в Калькутте А.М. Мерварт в 1926 г. отправил письмо секретарю Азиатского общества Бенгалии (1 Park Street, Calcutta). Тем самым он предложил фактически начать исследовать тему деятельности Герасима Лебедева в Калькутте на базе индийских и российских архивов.

«Дорогой сэр и коллега,

Как иностранному члену Общества — я был избран в 1917 г. — мне, надеюсь, позволено побеспокоить Вас со следующей просьбой.

В настоящее время работаю над биографией Герасима Лебедева, русского путешественника, который жил в Индии, и особенно — в Калькутте, в 1785–1797 гг. Лебедев написал грамматику хиндустани на английском, описание (на русском языке) индусских обычаев и традиций и перевел две английские пьесы на бенгальский язык. Он был владельцем театра на улице Dharamtollah Street, где были поставлены эти пьесы в его переводах в 1795 г. Из его писем и автобиографии следует, что он был вовлечен в длительный судебный процесс с управляющим Английской театральной компании. Он проиграл свой иск и был, в конце концов, вынужден покинуть Калькутту.

Во введении к своей “Грамматике хиндустани” он полемизирует, наконец, с сэром William Jones о переводе санскритских слов, принятых последним.

Заявления, которые Лебедев делает по отношению к его тяжбе и британским судьям в целом, кажутся довольно необъективными и односторонними и требуют уточнения.

Если бы мы могли получить документальные свидетельства о его иске, то это способствовало бы лучшему пониманию позиции русского путешественника и правам и обидам его дела.

Вполне вероятно, что в архивах в Fort William содержатся записи этого дела. Если это так, то я был бы очень благодарен,

если бы Вы могли скопировать всё, что касается этого судебного процесса, и послать это мне.

Как руководство Вам я прилагаю выдержки об этой части его биографии, которые относятся к этому иску.

Кроме того, вполне возможно, что имя Лебедева, который в свое время должен был быть довольно яркой фигурой в жизни Калькутты, может быть найдено в архивах Общества и в газетах того времени.

Не могли бы Вы взять на себя труд просмотреть архивы за вышеуказанный период и дать мне знать, что обнаружится в них или в газетах Калькутты того времени об этой интересной личности.

Я уверен, что, создав честный и детальный образ пионера индийской лингвистической науки и этнографии, я внесу, до некоторой степени, вклад в работу Азиатского Общества

Именно это убеждение дало мне мужество посягнуть на Ваше время и обратиться к Вам с этой просьбой. В то же время я вполне готов дать Обществу статью о Г. Лебедеве по-английски, которая может быть опубликована в "Journal and Proceedings". Это также даст мне возможность оплатить долг признательности Обществу и, возможно, возобновить своё членство, которое, вероятно, истекло в связи с моим отсутствием и неуплатой моего членского взноса.

Я с нетерпением жду Вашего ответа, который, я надеюсь, будет благоприятным, и остаюсь, дорогой сэр и коллега, с уважением, Ваш [А. Мерварт]» (на англ. яз.) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 8–9 об.].

К письму приложены несколько страниц машинописного текста на английском языке — выписки из статьи Ф.И. Булгакова о Лебедеве («Исторический вестник», ноябрь 1889, с. 519) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 12–12 об.].

Из черновика письма мы видим, что А.М. Мерварт высоко ценил Герасима Лебедева как «пионера индийской лингвистики и этнографии», изучение жизни и написание биографии которого представлялись ему важной задачей. Возможная публикация очерка жизни Лебедева в «Журнале Азиатского общества Бен-

галии» виделась ему как вклад и в мировую индианистику. А.М. Мерварт правильно определил возможный источник необходимой информации — архивы Калькутты и периодику того времени. Между тем работу в архивах Ленинграда он поручил своей помощнице Т.А. Корвин-Круковской. МАЭ просил «разрешить научному сотруднику II разряда МАЭ Т.А. Корвин-Круковской изучать пять тетрадей рукописей Г. Лебедева в Гос. Центр-архиве» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 14]. По поручению А.М. Мерварта Т.А. Корвин-Круковская запросила в архиве следующие документы:

«1. Меморандум на английском языке, вкратце описывающий пребывание русского путешественника Герасима Лебедева в Индии, и перевод на бенгальский язык комедии “Притворство”, параллельно с английским текстом и русской транскрипцией.

2. Переписка Лебедева по поводу уничтожения его театра в Калькутте. На русском языке: письмо <...> Андрею Афанасьевичу Самборскому, письмо к полномочному посланнику в Лондоне гр. С.Р. Воронцову и письмо к о. Якову Ивановичу Смирнову.

3. Сравнительная грамматика и словарь языков хиндустани, бенгальского, английского и русского. Индийский календарь и изложение арифметических действий.

4. Подстрочный перевод с русской транскрипцией “Бидде Шундор” — сочинения брамина Шри Бгарат Чанда Раи.

5. Афиши и воззвания» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 15]

А.М. Мерварт и Т.А. Корвин-Круковская знали о существовании бумаг Герасима Лебедева в астафьевском архиве Вяземских. А.М. Мерварт ссылается на публикацию Ф.И. Булгакова — одну из первых биографий Герасима Лебедева [Булгаков 1880]. К сожалению, начатую работу ученым завершить не удалось, в противном случае их работа стала бы первой научной биографией Герасима Лебедева. Примечательно, что А.М. Мерварт отводил особую роль изучению калькуттской прессы того времени, что позднее действительно оказалось оправданным, эти материалы

были позднее изучены Х. Мамутом в его наиболее полном исследовании, посвященном жизни и деятельности Г.С. Лебедева [Васильков 2012: 10–11].

Изучая тамильскую филологию, А.М. Мерварт ходатайствовал перед директором МАЭ Е.Ф. Карским о выписке из Калькутты 49 пластинок с фонографическими записями дравидских языков (Gramophone Records of the languages and dialects of the Madras Presidency) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 232].

В «Жизнеописании» (1930 г.) А.М. Мерварт писал: *«Нам пришлось усиленно работать, чтобы Индийский отдел Музея был закончен к моменту юбилея Академии наук, т.е. в сентябре 1925 г. Одновременно я получил поручение читать лекции по тамильскому языку и индийской этнографии в Восточном Институте. Прочел ряд докладов и публичных лекций об Индии и начал писать научные работы. За период между моим приездом и концом 1929 г. я выпустил около 15 работ, из них одну — тамильскую грамматику в 220 стр., одну на французском языке о южноиндийском театре в 100 стр. и т.д. Устроил выставку “Восточный театр”. До 1927 г., когда я получил заграничную командировку, я был один день в Москве, где я прочел публичную лекцию об Индии; лето я провел в Токсове, в Мельничном Ручье, был 5 недель (в мае 1926 г.) в Кисловодске в санатории Ц.К.П.Б.У. Постепенно обзавелся кругом знакомых. Из старых, довоенных знакомых очень мало кто остался. Круг моего знакомства был сосредоточен, главным образом, среди академиков, сотрудников АН и Университета»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 296].

Впоследствии прибавилось несколько лиц, стоящих вне этого круга, те лица, которые снимали дачу в Детском Селе. Среди его детскосельских знакомых — А.Н. Толстой, чей роман «Петр Первый» Мерварт планировал переводить на немецкий язык. Наверное, интересные и важные знакомства появились и за пять недель (в мае 1926 г.), проведенных в Кисловодске в санатории Центрального Комитета Коммунистической партии (большеви-

ков) Украины. Там он отдыхал с коллегой по МАЭ Д.К. Зелениным³, которому Л.А. Мерварт перевела 17 мая 1926 г. в Кисловодск «128 р. 70 к., оставшиеся после взноса в фонд помощи английским рабочим 1 р. 30 к. Это содержание по Академии наук. Надеюсь, что Вы хорошо управляетесь, отдыхаете и Александру Михайловичу курить не даете» [СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 279. Л. 1]. Лето 1928 г. А.М. Мерварт провел в дер. Новые Крупели на даче вместе с семьей Бенешевичей. В 1928 г. группа членов секции научных работников арендовала дом в Детском Селе (Слуцкое шоссе, 16). В одном доме жили директор музея Ботанического сада И.В. Паливин, специалист по чайному производству на Кавказе [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 302], и академик Е.В. Тарле [Там же. Т. 17. Л. 69.]. Лето 1929 г. Мерварты также провели в Детском Селе, где общались с А.Н. Толстым [Там же. Т. 12. Л. 296 об.].

Популярный лектор и автор А.М. Мерварт быстро вошел в круг творческой интеллигенции. Его знали писатели А.Н. Толстой, Е.И. Замятин, В.Я. Шишков, В.В. Липатов, Р.В. Иванов-Разумник, Н. Медведев (из Госиздата), В.С. Майзель-Вальдман (переводчица Госиздата), М.М. Зощенко, К.А. Федин, Т.Л. Щепкина-Куперник и ее второй муж адвокат Н.Б. Полынов, художник и профессор ВХУТЕИИ Н.Э. Радлов, артист Г.С. Венецианов, директор ТЮЗа А.А. Брянцев.

Тема восточного театра очень интересовала музыкально одаренного А.М. Мерварта. Он получил разрешение правления АН СССР на отъезд в Москву со 2 по 5 апреля 1926 г. для чтения лекций по индийскому театру [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 5. Л. 283].

В 1927 г., 11 января, А.М. Мерварт был избран сверхштатным действительным членом Государственного института истории

³ Зеленин Дмитрий Константинович (1878–1954) — фольклорист, этнограф. Заведующий Европейским отделом, библиотекой, старший этнограф МАЭ (с 1927). Профессор ЛГУ, член-корреспондент АН СССР (с 1925).

искусств по секции истории театра [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 15], где готов был вести курс по теме «История и техника индийского театра, в частности народного театра» [Там же. Л. 25].

Ученый хранитель А.М. Мерварт и представитель Государственного института истории искусств Н.И. Конрад предложили ознаменовать 15-летие существования института 15 февраля 1927 г. устройством выставки по театру Востока. Президиум АН постановил *«принять участие в организации выставки предоставлением соответствующих экспонатов и труда его ученого и служительского персонала, с тем, однако, что АН дает необходимое помещение и средства для организации охраны экспозиции Музея»*. По поручению Совета МАЭ А.М. Мерварт составил объяснение и смету расходов по устройству выставки [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 7. Л. 34]. Выставка «Театр народов Востока» работала в Большом Конференц-зале АН с 27 марта по 9 апреля 1927 г. [Там же. Ед. хр. 5. Л. 142, 205], ее посетило более 3000 человек [Там же. Ед. хр. 1. Л. 2] На заседании Президиума АН СССР 18 апреля 1927 г. академик Е.Ф. Карский отчитался по авансу в 200 руб., выделенному на выставку из остатков кредита на научную работу [Там же. Ед. хр. 5. Л. 299].

Зимой 1927 г. А.М. Мерварт, Н.И. Конрад и Г.О. Монзелер посетили Москву для чтения лекций в театре Мейерхольда, А.М. Мерварт рассказывал об индийском театре, жил в Доме ученых два дня.

Л.А. Мерварт помогала мужу и одновременно осваивала новую специальность — малаистику. Также она устраивала быт семьи, в которой росли двое маленьких детей. Научная общественность жаждала узнать побольше об экспедиции в Южную Азию и ее результатах. В 1925 г. Л.А. Мерварт приглашали с докладом в секцию Института мозга, где изучались парапсихология, эпилепсия и другие родственные явления человеческой психики. Участники кружка, который вел Вечеслов, собирались на частной квартире доктора Панова. Для них *«Индия была местом*

всяческих чудес. Хотели услышать доклад о йогизме, факиризме и пр.», но Л.А. Мерварт решила этого не делать, так как методы кружка сочла ненаучными [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 31]. Кружок работал под руководством доктора М.Г. Вечеслова, который был членом масонской ложи. Он побывал в Афганистане в начале 1920-х годов с советской дипломатической миссией, а в 1925 г. вновь отправился в Афганистан [Андреев, Бережков 2006: 88].

Свою профессию Л.А. Мерварт указывала в анкетах как «этнограф и филолог» (1926) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 1], «этнограф, специальность — востоковед» (1933) [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 1], «научный работник, этнограф, лингвист» (1940) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245 Т. 5. Л. 413].

В 1924 г., 4 декабря, Л.А. Мерварт была избрана сверхштатным научным сотрудником 1-го разряда (без вознаграждения) НИИ Сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока при ЛГУ [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 14]. Она стала членом Неофилологического общества при ЛГУ, Радловского кружка при МАЭ, Ленинградского общества изучения местного края [Там же. Ед. хр. 1041. Л. 1].

Объем ее работы в МАЭ был поистине грандиозным. Удивительно, что Л.А. Мерварт находила время для научной работы. Она писала объемные статьи по разным темам индийской этнографии. Ей также приходилось помогать по работе мужу, русский язык которого не был безупречным, и основная часть описей индийских коллекций написана ее почерком. Она объясняла, А.М. Мерварт «читал мне из своей комнаты (у нас дома) иногда тот или другой отрывок из докладов вслух в том случае, если он ему казался особенно хорошо изложенным или же если касался материала, доставленного мною, и Александр Михайлович хотел проверить точность своего изложения. Копии хранил в кабинете в МАЭ, а не дома. После обыска 2 октября 1929 г. они были сожжены Александром Михайловичем» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 316].

Дружественные отношения установились с семьей Бенешевич. Владимир Николаевич Бенешевич⁴ — эрудит в области истории церкви — помогал Л.А. Мерварт материалами по истории назрани-маппила. Мерварты бывали у Бенешевичей каждое воскресенье. А.М. Мерварт играл с Людмилой Фаддеевной Бенешевич в четыре руки на рояле, а Л.А. Мерварт и В.Н. Бенешевич сидели на диване в его кабинете, читали и разбирали тесты, беседовали, слушали музыку. *«Я не бывала на концертах, в театрах; эта воскресная музыка для меня была отдыхом и зарядкой на целую неделю»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 214]. В.Н. Бенешевич оказал на Л.А. Мерварт в Ленинграде особенно сильное влияние. *«Я стремилась моделировать свои мнения так, чтобы они соответствовали его мнению. А. Мерварт, по живости своей натуры, не сходилась с Владимиром Николаевичем, человеком очень медлительным»* [Там же. Л. 240].

Уже в 1925 г. Л.А. Мерварт пришлось взять на себя и большой объем работы по новому направлению — малаистике. Приведем текст отчета Л.А. Мерварт о ходе работы по отделу Индонезии за период с 1 ноября 1924 г. по 1 декабря 1925 г. (24 ноября 1925 г. подан в Канцелярию МАЭ):

«В течение периода с 1 ноября 1924 г. по 1 декабря 1925 г. Отдел обслуживался зав. Отделом Л.А. Мерварт. Первые 6 месяцев, т.е. до 27 апреля 1925 г., Л.А. Мерварт, по поручению Совета МАЭ, работала в Отделе Индии по разборке и регистрации коллекций, привезенных из экспедиции в Индию А.М. и Л.А. Мерварт в 1914–1918 гг.

С 28 апреля была начата разборка коллекций Индонезии, как выставленных в старом помещении, так и лежавших ещё в сундуках. Последних было значительно больше, чем первых. Единовременно с разборкой приходилось хотя бы частично зарегистри-

⁴ Владимир Николаевич Бенешевич (1874–1938) — российский юрист (специалист в области церковного права), историк, византист, палеограф. Член-корреспондент РАН (1924), член Императорского православного палестинского общества.

ровать коллекции, вынимаемые из ящичков, значительная часть коих была не зарегистрирована. Кроме того, пришлось сделать ряд временных списков, игравших роль ключей находящимся в беспорядке регистрационным спискам нескольких самых крупных коллекций. К этим коллекциям необходимо сделать в срочном порядке правильные регистрационные списки, что в настоящее время уже выполняется. В мае и начале июня коллекции были из старого помещения перенесены в новое (зал № XXX). При переноске и отчасти разборке помогал студент Л.Н. Соколов. 7 июля было начато выставление коллекций в новых шкафах. Отдел Индонезии в настоящее время занимает зал № XXIX и половину зала № XXX, помещается в 57 шкафах, 1 витрине, на 1 подиуме и 16 щитах открытого выставления, из коих часть подлежит застеклению в настоящем году. Из имеющихся в Отделе около 4500 экспонатов выставлено 2308, остальные временно замагазинированы.

Произведены реставратором П.А. Смеловым частичная реставрация и сборка ряда моделей и предметов коллекции. Для организации выставления К.Ф. Вальдманом под наблюдением зав. Отделом сделаны модели в действительный рост андаманца и андаманки, малайца и малайки и разведение огня на Молукках.

Ко всем шкафам сделаны объяснительные карточки, географические карточки и надписи. У входа в Отдел с обеих сторон сделаны планы размещения Отдела и географические карты Индонезии. Почти закончена шкафная опись с планами шкафов и одновременно с временным магазином начата магазинная опись.

Коллекций в текущем году поступило очень немного, но среди них нужно отметить, полученный из Калькуттского музея, деревянный музыкальный инструмент андаманцев.

Во время Юбилейных Торжеств Академии наук зав. Отделом давались объяснения гостям Академии, и со времени открытия Музея для публики, 15 октября, зав. Отделом были проведены по Отделу несколько научных экскурсий.

Кроме музейной работы зав. Отделом Индонезии Л.А. Мерварт был сделан доклад в Радловском Кружке о поклонении небес-

ным светилам на о. Цейлон (церемонии Бали) и прочитан ряд публичных лекций с демонстрацией диапозитивов.

23 ноября в Отделе начала работать, прикомандированная Советом МАЭ, Л.Э. Каруновская, научный сотрудник II разряда» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 1–3].

Отметим, что доклад Л.А. Мерварт прочла на Общем собрании Радловского кружка, которое состоялось в малом конференц-зале АН 5 марта 1925 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 5. Л. 57]. А 8 апреля 1926 г. в зале Совета университета на заседании секции «Живой старины» НИИ был заслушан другой доклад Л.А. Мерварт — «Анализ процесса приурочения одного сюжета (Богиня Паттини на Цейлоне)» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 5. Л. 296].

Развивая отечественную малаистику, Л.А. Мерварт начала выявлять и изучать профильные коллекции в музеях СССР. В Государственном Эрмитаже она отобрала ряд малайских предметов, и в марте 1926 г. они были переданы МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 5. Л. 186]. В 1926 г. Президиум АН СССР поддержал ее заявку о приобретении полного набора в 40 фигур яванского театра марионеток с относящимися к нему аксессуарами у вдовы Г. ван Молл-Мюллер (M-me V-ve G. v. Moll-Mueller) из Маастрихта за 250 долларов из сумм золотого фонда, предназначенного для заграничных покупок МАЭ. Л.А. Мерварт подчеркивала, что коллекция является весьма важным дополнением к имеющимся в МАЭ коллекциям по индийскому театру [Там же. Ед. хр. 9. Л. 52].

В 1926–1927 гг. Л.А. Мерварт организовала «семинар по проработке музейных коллекций с преподавателями, объединением школьных инстанций». Вместе с А.М. Мервартом она преподавала студентам ЛГУ, Института истории искусств, Восточного института (показателен публикуемый в настоящей книге конспект ее лекции «День индусской семьи», прочитанной в Институте живых восточных языков [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 67]). Она учила молодых сотрудников МАЭ Н.Г. Шпринцин, А.Е. Глускину, Г.А. Никитина, Гаврилову, Прозорову и других водить

экскурсии для красноармейцев и краснофлотцев в 1927–1928 гг. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 296]. *«Я прорабатывала их научные работы, показывала методы работы, подбирала и учила подбирать литературу; показала им место работы в науке. Глускиной давала научные задания — изучать народный театр, собрать наборы производств, игрушки в Японии. Хлопотала о ее командировке в Японию, пересылала ей туда деньги»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 311 об.]. Проявляла теплый интерес к работе молодых сотрудников МАЭ (Д.А. Ольдерогге, М.А. Шера, Г.И. Петрова) — *«толкала в новые области их науки. Молодежь льнула ко мне, я добрый их друг»* [Там же].

Первый отпуск в МАЭ АН СССР А.М. Мерварт получил с 15 декабря по 31 декабря 1925 г. по семейным обстоятельствам [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 350], 15 мая — 20 июня 1926 г., в июне-июле 1928 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 3. Л. 325], 1 января — 31 января 1929 г. [Там же. Ед. хр. 4. Л. 360]; Л.А. Мерварт — 1 июня — 1 июля 1926 г. [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 6], 1 июня — 1 июля 1928 г., 1 августа — 1 сентября 1929 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 3. Л. 303]. Но и во время отпусков ученые продолжали научную работу.

В то же время Л.А. Мерварт вела интенсивную научную деятельность, плоды которой увидели свет главным образом во второй половине 1920-х годов, особенно в «урожайном» 1927 г. К сожалению, многих переводов и статей, над которыми работали Мерварты и в годы экспедиции, и в 1920-е годы, найти не удалось. Тем не менее мы можем судить по опубликованным статьям, какой огромный труд был ими проделан. В 1925 г. заметка Л.А. Мерварт «Парии Цейлона» появилась в «Вестнике знания» [Вигасин 2003: 389], в 1927 г. вышла ее статья «Техника сказывания сказок у сингальцев» [Мерварт Л.А. 19276].

В 1926 г. в журнале «Научный работник» была опубликована статья А.М. Мерварта «Роль музеев в культуре современной Индии» [Мерварт А.М. 1926]. Помимо музейной и преподавательской работы, он попытался проанализировать изученную

литературу, вспомнить собственный практический опыт и достижения индийских ученых. Это отражено в статье «Достижения и проблемы индийской этнографии», изданной в первом номере журнала «Этнография» за 1927 г. Он так характеризует поставленную в статье задачу: «В настоящем очерке делается попытка обрисовать, хотя бы в самом схематическом виде, тот сдвиг, который произошел в этнографии Индии за последние 15–20 лет» [Мерварт А.М. 1927а]. Очерк развития индийской этнографии в начале XX в. А.М. Мерварт начинает, однако, с упоминания трудов Джеймса Тодда и аббата Дюбуа, являющихся классикой изучения быта и обычаев населения Индии, далее дает оценку многотомным изданиям историко-географических справочников-газеттиров, которые стали выходить в Индии с конца XIX в. и служили важным источником информации по этнографии Индии.

Одним из первых российских ученых А.М. Мерварт дает описание и высокую оценку деятельности Антропологического департамента Индии, о работе которого он знал не понаслышке: «Научно расположенное и значительно более исчерпывающее собрание этнографических материалов дают те монументальные произведения, которые прямо или косвенно связаны с деятельностью этнографического департамента Индии (Ethnographical Survey of India). Большая часть той научно-исследовательской работы, которую в первое время английского владычества в Индии выполняли научные общества, в особенности Бенгальское общество изучения Азии, перешла в конце прошлого столетия и в начале нынешнего к государственным научным организациям, так называемым Survey, ставящим себе целью систематическое научное исследование во всеиндийском масштабе разных отраслей жизни — от геологии до этнографии. К сожалению, этнографический Survey, блестяще начавший свою работу под руководством Sir Herbert Risley⁵, существовал недолго. Главную

⁵ Рисли Герберт Хоуп (Sir Herbert Hope Risley, 1851–1911) — британский этнограф и колониальный администратор, исследователь Бенгалии. Ввел пункт о кастовой принадлежности индусов в перепись в 1901 г.

причину этого приходится искать в отсутствии специалиста-этнографа с общеиндийским охватом. Работа по собиранию этнографического материала велась, однако, и после закрытия департамента и ведется до сих пор. Она характеризуется двумя признаками: краеведческим подходом и индивидуализацией работы. Объектом работы служат касты и племена, населяющие ту или другую провинцию англо-индийской империи или то или иное независимое государство. Почти все эти многотомные издания носят названия “Castes and Tribes” или “Tribes and Castes”. Делом собирания работы руководит обычно один человек, выдающийся знаток этнографии данной области, проработавший в ней в разных административных должностях или на ученом поприще в течение многих лет» [Мерварт А.М. 1927а: 126].

С некоторыми из упомянутых в статье учеными А.М. Мерварт был лично знаком. Мерварты познакомились и подружились в Индии с «лучшим знатоком этнографии Малабарского побережья» господином Анантакришной Айаром [Мерварт, Мерварт 1927: 11] — единственным специалистом-этнографом, с которым судьба свела их в Индии. Мерварты объездили вместе с Анантакришной Айаром окрестности Тричура, познакомились подробно с укладом жизни браминов намбудури, наяров, а также различных лесных племен (кадаров, танда пулаян и др.), получили консультации о кочинских кастах и племенах, с его помощью стали обладателями редких экспонатов. Дружба и переписка с ним сохранялась в течение всего времени пребывания Мервартов в Индии.

Вклад индийских ученых А.М. Мерварт подчеркивает особо. Он пишет: «В некоторых независимых государствах, как в Кочине и Майсоре, вся работа по собиранию, классификации, проработке этнографического материала была произведена только индийскими учеными: Ананта Кришна Айар <...> в Кочине и Nanjundayya⁶,

⁶ Хеббалалу Велпанур Нанджундайя (Hebbalalu Velpanur Nanjundaiyah, 1860–1920) — диван Майсура, основатель и первый вице-канцлер Майсурского университета, верховный судья Майсурского верховного

заведующим этнографическим Survey⁷ в Майсоре. Такое участие индийских этнографов в научно-исследовательской работе, посвященной в большей мере первобытным племенам и низшим кастам, является одним из положительных результатов проникновения европейского духа в индийскую жизнь. Если бы пятьдесят лет тому назад кто-нибудь сказал дедам этих индийских этнографов, что их внуки, уважаемые члены брахманской касты, сделают задачей своей жизни изучение быта и нравов презренных лесных племен и нечистых каст, один вид которых оскверняет священную особу брахмана, то эти почтенные люди были бы убеждены, что приближается конец мира. С другой стороны, сотрудничество индийцев в этой работе открывает много сторон быта, которые европейцам, даже отлично знакомым с местными языками и обычаями, были бы непонятны или оставались бы для них незамеченными. Большой частью эти собрания материалов составлены по типу энциклопедии. После ориентировочного введения, касты и племена описываются в алфавитном порядке» [Мерварт А.М. 1927а: 127].

В то же время А.М. Мерварт отмечает недостатки этих изданий: «При таком распределении материала отдельные этнические группы вырываются из того естественного и исторического контекста, в котором они встречаются в жизни и знание которого необходимо для их понимания. Это пренебрежение к естественной географической и этнической структуре Индии сказывается

суда, вице-президент по этнографии Ассоциации «Индийский научный конгресс» (1915). Начинатель (1906) и один из авторов фундаментального труда: Nanjundayya H.V., Rao Bahadur L.K. Ananthakrishna Iyer. Mysore Tribes and Castes. Mysore, 1928–1935. 4 Vols.

⁷ Этнографические исследования и их итоговые категории были воплощены в многочисленных официальных публикациях и стали неотъемлемой частью британского административного механизма. Положительный опыт проекта «Этнографический обзор Бенгалии» (Ethnographic Survey of Bengal) под руководством Герберта Хоупа Рисли (Herbert Hope Risley, 1885–1911) лег в основу проекта «Этнографический обзор Индии» (Ethnographic Survey of India) под руководством Э. Тёрстона (1901) и многотомных публикаций.

и в том, что территориальные размеры этих сборников материала определяются не крупными этническими подразделениями (предравидийские, дравидийские, монголоидные и т.д. племена), но современными, часто совершенно случайными сложившимися административными единицами — провинциями или княжествами» [Мерварт А.М. 1927а: 127].

Лишь упоминая административную деятельность британцев в Индии, А.М. Мерварт на материале газеттира Центральных провинций Индии дает жесткую оценку и самому английскому администрированию: «Возьмем для примера прекрасную четырехтомную работу⁸ Рэсселя⁹ — последнюю по времени из больших работ государственного этнографического обозрения. Это во всех отношениях образец краевой этнографии, но “центральные провинции”, которым этот сборник посвящен, — как раз типичный продукт административного творчества англичан и объединяют в одно искусственное и случайное целое секторы почти всех этнических и лингвистических групп Индии. <...> Разнородный этнический состав провинции не дал авторам возможности с одинаковой основательностью охватить все группы. <...> Несмотря на такое естественное разнообразие, заметна более или менее одинаковая всем этим сборникам тенденция в сторону описания главным образом духовной культуры — религии и социального строя. Очень важной области материальной культуры уделяется сравнительно мало внимания. Почти никогда не делается попытка объяснить духовную культуру из материального быта. Также почти ничего не говорится о языке» [Мерварт А.М. 1927а: 127–128].

⁸ См.: [Russel, Lāl Rai Bahadur Hira 1916].

⁹ Рассел Роберт Вейн (Russell Robert Vane, 1873–1915) — британский гражданский служащий, суперинтендант по этнографии, суперинтендант переписи 1901 г. в Центральных провинциях Британской Индии. Для «Этнографического обзора Индии» составил совместно с археологом-любителем Раем Бахадуром Хира Лалом труд «Племена и касты Центральных провинций Индии», изданный в 1916 г.: [Russel, Lāl Rai Bahadur Hira 1916].

Высокую оценку дал А.М. Мерварт и первому обобщающему труду по этнографии Индии. Он писал: «Первым обнимающим всю область Индии выводом из большой краеведческой работы “Ethnographic Survey” является блестящий очерк сэра Герберта Рислея (Sir Herbet Risley), — Народы Индии (The People of India, 2nd ed., 1915¹⁰). Эта книга оказалась настолько ценной, несмотря на устарелость ряда теорий автора, что она была переиздана Круксом в 1915 г. В основе этой работы лежит краеведческий материал, собранный по всей Индии и приведенный в стройную систему автором, который прежде всего дал первую действительно научную антропологическую классификацию индийских народов и этим очистил путь для правильной этнографической классификации, являющейся еще постулатом будущего» [Мерварт А.М. 1927а: 130].

Помимо государственных изданий, предпринятых этнографическим департаментом Британской Индии, А.М. Мерварт отмечает и публикации отдельных ученых, работавших без ведомственной опеки и контроля. Этих самостоятельных исследователей он разделил на две категории: «С одной стороны это перманентные наблюдатели — офицеры, администраторы, миссионеры, которые сжились с местным населением и сообщают нам свои сведения на основании многолетнего изучения. <...> В отличие от работы этих исследователей, труды второй категории основываются на непродолжительном контакте с изучаемым племенем — редко больше нескольких месяцев, но зато работа ведется очень интенсивно и по строго разработанной научной схеме» [Мерварт А.М. 1927а: 131].

Сам приближаясь к исследователям второй из указанных категорий, А.М. Мерварт отмечает некоторые их слабости и дает свое видение идеального индолога-этнографа будущего: «Авторы заменяют более интимное знание данного племени и его языка своим большим опытом в области примитивной культуры вообще и рассматривают данный объект своего исследования

¹⁰ См.: [Risley, Crooke 1915].

скорее как пример общего закона. Несомненно, что в трудах этих ученых много недостатков, объясняющихся прежде всего тем, что они в своих опросах должны пользоваться переводчиками. Кроме того, несмотря на тщательно разработанную систему контроля и проверки, многие факты представляются им в неточном освещении, многое приходится принимать на веру со слов самих туземцев. Во всяком случае этот метод может дать отличные результаты, если он применяется исследователями, живущими долгое время в одной и той же области. Тот тип этнографа, который создаст дальнейший прогресс индийской этнографии, к сожалению, еще не существует. Он должен быть ученый, с солидным специально этнографическим образованием и опытом, владеющий вполне и антропологическими методами и знакомый с принципами современного языковедения. Он должен знать язык (или языки) той области, которой он посвящает свою исследовательскую деятельность, и он должен отдаваться этой деятельности исключительно, не только в моменты досуга, как это делали и делают краеведы-любители» [Мерварт А.М. 1927а: 132].

Именно такими этнографами и были Мерварты. Неслучайно А.М. Мерварта привлекли к этнографической работе в крупнейшем на начало XX в. музее Индии — Indian Museum в Калькутте. Возможно, Мерварты нашли бы работу и в Дели, где планировалось создать крупный этнографический музей, но этим планам не суждено было сбыться. Лишь в 1970-х годах в Дели возник National Handicrafts and Handlooms Museum (Национальный музей ремесел и ручных ткацких станков), который частично выполняет функции не существующего в индийской столице специального этнографического музея.

Особое место в научном наследии А.М. Мерварта занимает созданный им и опубликованный в том же 1927 г. путеводитель по экспозиции МАЭ, точнее, книга с емким названием «Отдел Индии: Краткий очерк индийской культуры по материалам Индии» [Мерварт А.М. 1927в]. Здесь мы можем говорить о тексте в тексте. Понятие «этнокультурный текст» может включать весь

мир традиционной культуры, и таковым этнокультурным текстом оказывается, например, Индия с ее многочисленными народами, религиями, культурами. Как этнокультурный текст выступает и экспозиция Индии (народы Южной Азии) Музея антропологии и этнографии АН, в которой отражено все многообразие культур Южной Азии. Текстом в тексте становится путеводитель к этой экспозиции. Как замечает Ю.М. Лотман, «многослойный и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения, как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату. Обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память» [Лотман 1992: 131].

Путеводитель был опубликован одновременно с кратким отчетом Мервартов об экспедиции на Цейлон и в Индию [Мерварт, Мерварт 1927]. В изданиях ощущается огромный объем знаний, полученных ими при изучении музейных коллекций в Коломбо [Котин 2014б; 2015; Котин, Соболева 2016], Галле [Соболева 2014е], Мадрасе (современный Ченнаи), Тривандраме, Триссуре, Калькутте, Лакхнау, Дели, Лахоре, посещении Кочина, Мадураи, Майсура, Бангалора, Серампура, Матхуры, десятков других индийских городов, сотен деревень [Котин, Соболева 2016]. За четыре года на Цейлоне и в Индии Мерварты изучили ряд южноазиатских языков (сингальский, тамильский, малаялам, хинди), проштудировали огромную этнографическую литературу. Все это сказалось на чрезвычайной плотности текста путеводителя, излагающего на 96 страницах огромный фактический материал. Индолог, историк индологии и исследователь российско-индийских отношений А.А. Вигасин объективно констатирует, что «путеводитель по индийскому отделу МАЭ <...> был не простым описанием вещей: Александр Михайлович с полным основанием сопроводил его подзаголовком “Краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии МАЭ”. Это было, действительно, введение в изучение индийского быта, составленное человеком, знавшим Индию “изнутри”, по личным наблюдениям. Как

свидетельство очевидца и знатока, брошюра сохраняет свое значение и поныне» [Вигасин 2003: 389].

Отметим, что написанная в 1920-е годы работа по-прежнему читается легко. Ее язык не устарел. Работа не перегружена научными терминами и словами из индийских языков, хотя текст и не лишен их. Автору и его помощницам — Л.А. Мерварт и Т.А. Корвин-Круковской — удалось добиться чрезвычайной легкости изложения при точности деталей и широте охвата. В разделах путеводителя, написанного рукой Т.А. Корвин-Круковской, суммированы уникальные материалы Мерватов, подробно развернутые в коллекционных описях МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 466; Ед. хр. 467; Ед. хр. 468; Ед. хр. 468]. Книга читается как захватывающий травелог, повествующий о далекой и загадочной стране. При этом в книге дается огромный фактический материал, описываются тысячи местных реалий, некоторые из которых, к сожалению, уже ушли из области быта в стены музеев, на страницы монографий. Но значительная часть реалий, описанных в путеводителе, характерна и для современной Индии.

С 1 июня по 8 октября 1927 г. Мерварты получили от Академии наук командировку в Германию и во Францию для изучения музейного дела в этих странах. Поездка стала возможной благодаря их научным и музейным достижениям и хлопотам С.Ф. Ольденбурга. На время командировки Л.А. Мерварт заведывание отделом Индонезии принял ученый хранитель Э.К. Пекарский, отделом Индии — С.М. Дудин [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 5. Л. 422, 423].

Одной из задач командировки было изучение музейного дела за рубежом. А.М. Мерварт изучил постановку этнографии в Берлине, Мюнхене, Лейпциге, Кёльне, Штутгарте, Карлсруэ, Париже, работал в библиотеках, совершенствовал тамильский язык. Командировочными заданиями Л.А. Мерварт были организация систематического обмена коллекциями с рядом зарубежных музеев, прежде всего нидерландских; ознакомление с музейной техникой и экспозицией, преимущественно в новом музее Koloniaal Instituut (Музей Колониального института) в Амстердаме; соби-

рание библиографии по этнографии и языкознанию Индонезии; изучение малайского языка, особенно литературного, с малайским лектором ввиду невозможности достать такового в Ленинграде [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 4. Л. 43].

По возвращении 21 октября 1927 г. на Совещательном заседании МАЭ были заслушаны отчеты А.М. Мерварта и Л.А. Мерварт о командировке за границу [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 1. Л. 62]. Академик В.В. Бартольд доложил Отделению гуманитарных наук АН СССР 26 октября 1927 г. представленные директором МАЭ отчеты Мервартов [Там же. Ед. хр. 6. Л. 221]. Немного позже, 9 ноября 1927 г., академик Ефим Федорович Карский доложил Отделению гуманитарных наук АН СССР «записку ученого хранителя А.М. Мерварта и научного сотрудника 1-го разряда Л.А. Мерварт по вопросу об обмене некоторыми этнографическими коллекциями внеевропейских стран с музеями в Германии и Голландии и о принципиально согласованной с этими материалами собирательской деятельности. Положено признать обмен, по указанным в записке условиям, желательным, в т.ч. и для приобретения коллекций, относящихся к европейским народам, и просить МАЭ по получении этих коллекций принять меры к возможно скорейшему выставлению их» [Там же. Л. 252].

На время командировки летом 1927 г. Мерварты предложили сербскому гражданину Стеве Григорьевичу Яничу, лектору сербского языка в Институте восточных языков в Париже, жить в их квартире. Янич приехал из Парижа для изучения русских рукописей по просьбе парижского профессора Мазона и прожил в Ленинграде два месяца [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 19 об.]. Л.А. Мерварт поясняет, что «он получал 1000 франков в месяц, Институт их нам выплачивал, моя мачеха здесь ему давала из моего академического жалования эквивалент этой суммы = 80–88 руб. Он женился на балерине и увез ее в Париж» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 338].

Связи с иностранными учеными входили в обязанности музейных хранителей. Летом 1928 г. к А.М. Мерварту приезжал аме-

риканец Вальдо Джонс, весной — Льюис из Гонолулу с целью «обобщить материал об образцах гавайских платьев из перьев в СССР» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 257 об.].

В 1927 г., 16 ноября, Президиум АН СССР разрешил научно-му сотруднику 1-го разряда МАЭ Л.А. Мерварт командировку в Москву 20–25 ноября 1927 г. за свой счет для ознакомления с коллекциями по этнографии Индонезии [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 305]. *«Таковые оказались в Музее Народоведения и в Университетском. В первый перешла из Румянцевского музея собранная в [18]60-х гг. на о-ве Ява коллекция д-ра Винке в количестве 755 нумеров, во втором имеется несколько случайных предметов, числом менее 20-ти. Заведующие обоими музеями согласились передать МАЭ сделанные за счет МАЭ копии описей своих индонезийских коллекций, полагая таким образом начало сводного каталога находящихся в СССР предметов индонезийской этнографии. Попутно выяснилось, что значившийся по старым каталогам Румянцевского музея набор индийского театра теней есть лишь часть яванского театра. Наличие индийского набора, до сих пор ещё нигде не найденного, сыграло бы почти решающую роль в решении спорного в науке вопроса о происхождении индонезийского теневого театра из Индии или из дальнейшего зрелищного развития туземного культа мертвых»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 4. Л. 37].

В 1928 г. весьма актуальным стал вопрос гонораров. Необходимо было искать средства для планировавшейся двухмесячной командировки в Европу. Надо было оплачивать уроки иностранных языков для детей, платить няне и Т.А. Корвин-Круковской за перепечатку текстов [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 332 об.]. 10 сентября 1928 г. А.М. Мерварт отправил в редакцию журнала «Вестник иностранной литературы» рукопись перевода с тамильского языка рассказа «Приключения преподающего Горемыки и его 50 учеников» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 36]. 21 сентября 1928 г. в Государственное издательство «Вестник иностранной литературы» предлагал переводы из индийских литератур: тамильский язык, бенгаль-

ский — Тагор, Банкимчандра¹¹, Гангули и др. «Переводы с бенгальского языка принадлежат моей помощнице Т. Корвин-Круковской (уже выпустил в Госиздате роман Банкимчандры¹²)» [Там же. Л. 39]. 26 сентября 1928 г. в Малую энциклопедию Зарубежного Востока А.М. Мерварт отправил статью «Памятники старины Индии» [Там же. Л. 40].

В Издательскую комиссию Ленинградского института живых восточных языков А.М. Мерварт предложил книгу «Индия — страна и люди» объемом 12 печатных листов. План книги весьма показателен.

«Эта работа, рассчитанная приблизительно на 12 печатных листов, должна служить, с одной стороны, пособием для студентов нашего Института, с другой стороны, предназначена для широкого круга читателей, интересующихся современной Индией. План этой книги кратко следующий:

1) Введение “Индия и мы”. Краткое изложение отношений Европейского общества к Индии и к индийским проблемам в разные периоды истории.

2) География Индии: Геологическая история, границы, географические и экономические области.

3) Климат: чередование муссонов, распределение дождевых осадков, засушливые и дождливые области, система орошения, температура, влияние климата на типы населения и их характерные особенности.

4) Производительные силы. А) Растительный и животный мир, распределение разных культур. Б) Минеральные богатства и их использование.

5) Пути сообщения и товарообмена. А) естественные Б) искусственные. Главные центры индийской экономической жизни.

¹¹ Банкимчондро Чоттопаддхай (1838–1894) — индийский писатель, основоположник индийского исторического романа, деятель «Бенгальского Возрождения».

¹² Чаттерджи Банким Чандра. Саиб пришел. Роман. Л., 1928 (пер. с бенгальского яз. Т.А. Корвин-Круковской).

6) *Население: А) Распределение населения. Б) Типы населения (антропо-географический и антропологический очерк).*

7) *Языки. Их распределение и взаимоотношение. Структура трех главных семейств индийских языков, их относительная роль в культурной жизни страны. Языковая проблема в современной Индии.*

8) *Материальная культура. А) Деление населения Индии на экономические группы охотников, скотоводов, земледельцев, ремесленников, интеллигенцию и пролетариат. Б) Материальный быт каждой группы. В) Жилище и общественное управление. Одежда. Оружие и орудия. Г) Народное искусство. Художественные ремесла.*

9) *Культурная жизнь. Тесная связь между религиозными представлениями и экономическим бытом. Комплексы религиозных представлений и обрядов у охотничьих племен, у скотоводов и земледельцев. Развитие индуизма среди интеллигенции под влиянием браминов. Роль браминских религиозных представлений в религии народных масс. Взаимное воздействие исконных (дравидийских) и арийских верований. Роль ислама. Антагонизм между магометанами и индусами. Скептицизм, агностицизм и материализм у современной индийской интеллигенции. Сektантство.*

10) *Общественный строй. А) Типы семейного строя. Дравидийский матриархат. Арийский патриархат. Б) Социальный строй племен. Тотемизм. В) Структура деревенской общины. Г) Каста, основывающаяся преимущественно на экономических (цеховых) началах и находящая поддержку в антропологических различиях с одной стороны, религиозных воззрениях с другой стороны. Виды каст. Каста как элемент, разъединяющий индийское население. Пути к преодолению кастовой розни.*

После каждой главы будет дана краткая сводка главных фактов, дат и статистических данных по возможности в форме диаграмм, что, по моему мнению, значительно облегчит усвоение материалов.

Книгу необходимо снабдить рядом карт и, если это возможно, иллюстрациями. Для последних имеется богатый материал,

собранный автором в течение 4-летней экспедиции в Индию. Материалом для работы в значительной мере служат наблюдения, сделанные автором на месте. Рукопись может быть представлена не позже 1 января 1927 г.» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 4. Л. 19–20].

С Ленинградским отделом Государственного издательства А.М. Мерварт вел переговоры об издании подобной книги об истории Индии, но больше — объемом 15 печатных листов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 4. Л. 28–32].

«Многоуважаемый тов. Беленко,

Ссылаясь на наши переговоры от 28 января с.г. относительно предполагаемого издания книги об истории Индии, я, согласно Вашей просьбе, предлагаю Вам краткую схему этой книги.

Моя цель — дать интеллигентному читателю не специалисту представление об историческом развитии разных сторон современной экономической, общественной и политической жизни Индии. Принимая во внимание историческую преемственность большинства институтов индийской жизни, а также большой консерватизм, которым отличается до сих пор большинство индийского населения, необходимо проследить развитие отдельных сторон общественной жизни Индии с самых ранних периодов, известных нам по положительным источникам. С другой стороны, учитывая преобладающий интерес, который вызывает у читателя ближайший к нему период индийской истории, то есть период английского колониального владычества, я предполагаю обратить главное внимание на развитие последних 150 лет. Такая трактовка исторического материала диктуется кроме того самим количеством тех исторических фактов, которые имеются в нашем распоряжении, так как они становятся обильнее и положительнее по мере приближения к нашему времени.

В своем изложении я предполагаю несколько отступить от общепринятого способа. Проводимое во всех — кстати сказать, очень малочисленных — работах по общей индийской истории, деление на отдельные периоды разной длины разрывает изложение развития отдельных сторон индийской жизни, затрудняет

этим понимание их исторической причинности. При этом нужно сказать, что эти деления проводятся по разным признакам, отнюдь не относящимся ко всей совокупности исторического развития определяемого ими периода. Так, например, названия “магометанский период” и “европейский период” характеризуют лишь некоторые видоизменения в общем направлении управления, и то не во всей Индии, а лишь в части ее. Исходя из таких соображений, полагаю целесообразным изложить историческое развитие экономической, общественной и политической жизни Индии по следующему плану:

1) Введение. Будет дано обоснование общего плана изложения, вытекающего из особенностей исторического развития индийской жизни.

2) Источники и литература. Ввиду того, что книга представляется для широкого круга читателей, не может быть речи об исчерпывающем перечислении и анализе разнообразных источников индийской истории. Будет дана характеристика разных типов источников — документов, надписей, свидетельств современников, описаний иностранных путешественников, литературных памятников и т.д. и их сравнительной важности для восстановления исторического процесса. Кроме того, будут указаны с краткой характеристикой наиболее важные для нашей цели исторические памятники. Тот же самый метод будет применен к литературе об истории Индии, причем, конечно, основное внимание будет обращено на работы на русском языке, которые — пока в виде отдельных статей и трудов по отдельным вопросам — стали за последние 10 лет появляться в печати.

3) Географический и экономический фактор в индийской истории. В этой главе будут изложены те географические, климатические и экономические особенности Индии, которые в сильнейшей степени определяют ход ее истории. Сюда входят, например, своеобразные условия ее ландшафта, муссонные ветра, благодаря которым известные части страны пользуются обильными дождевыми осадками, в то время как другие находятся под постоянной угрозой засухи, вытекающее отсюда неравномерное

распределение населения, распределение главных источников экономической жизни, естественные пути сообщения и т.д.

4) Человеческий фактор в индийской истории. На основании антропологических и доисторических данных будет дана картина тех человеческих типов, которые населяют Индийский полуостров. Будет указано их распределение, их значение для индийской культуры, распределение языков, относительная густота населения в зависимости от климата, географических и экономических условий.

5) Главные события индийской истории. В этой главе будет дан сжатый обзор главнейших событий индийской истории, повлиявших в той или иной форме на внутреннее развитие страны. Этот обзор должен собой представить не только хронологическую канву, но дать четкое представление о причинной связи событий индийской истории с процессом мировой истории. В частности, будет подчеркнута постоянная независимость Индии от Средней Азии и впоследствии от хода истории в Европе и Средней Азии. Также будет выявлена роль Индии в развитии окружающих ее азиатских стран.

6) Развитие экономических сил Индии: А) Земледелие. В этой главе будет дан обзор исторического развития наиболее консервативного и неподвижного экономического фактора индийской жизни — земледелия. Вопрос будет рассматриваться как с точки зрения технического развития, так и с точки зрения организации земледельческого производства. Будут разобраны в исторической последовательности разные формы крестьянской общины, крупного и мелкого индивидуального землевладения, государственного сельского хозяйства, роль земледелия в фискальном отношении — налоговая система, — меры для защиты этого наиболее важного экономического фактора от климатических случайностей — орошение, снабжение продуктами во время неурожая и т.п.

7) Развитие экономических сил Индии: Б) Ремесла и промышленность. В этой главе будет дан исторический обзор того экономического фактора, который в гораздо большей мере подвергался изменению на протяжении индийской истории — ремесел и про-

мышленности. Переход от первобытных форм организации ремесел, обслуживающих нужды деревни и находящихся в руках небольших групп наследственных деревенских служащих к цеховому укладу городских ремесел, работающих на продажу и обслуживающих рынок определенной области. Участие государства в производстве. Развитие главных промышленности вплоть до проникновения машинно-заводского типа производства, борьба старого уклада с новым, приспособление. Возникновение новой организации производства — капитализм и пролетариат.

8) Развитие экономических сил Индии: В) Торговля. В этой главе будет дана картина развития торговых путей, обслуживавших и обслуживающих как внутреннюю, так и внешнюю торговлю, — естественные направления торговли, караванные пути и морской путь в разные эпохи, организация торговли, возникновение торговых центров — рынков в виде городов. Изменение типа городов и перенесение центра тяжести в зависимости от изменившихся форм и направления торговли. Городская жизнь в разные эпохи индийской жизни. Здесь вкратце будет указано на значение крупных экономических центров — городов или деревень.

9) Развитие общественных форм. В этой главе будет описано и анализировано деление индийского общества на классы, принявшие своеобразную и характерную для Индии форму касты. Будут выявлены экономические — уже известные из предыдущих глав — факторы, а также сопутствующие биологические и культурные элементы, из которых складывается этот довольно сложный институт. Будет указано на те изменения, которые произошли в связи с мусульманским влиянием и с проникновением европейских экономических форм, в частности, происходящий на наших глазах переход от типично индийских кастовых форм к классовым, свойственным европейскому обществу.

10) Развитие политических форм. В этой главе будет — на основе всего предыдущего материала — дан обзор развития политических форм от племенного строя через феодальный образ правления, древнеиндийский абсолютизм со своеобразными фор-

мами бюрократизма, военный деспотизм ранних мусульманских падишахов, бюрократически организованный деспотизм моголов к торгово-старательскому способу управления Ост-Индской Компании, просвещенному абсолютизму — бюрократизму англо-индийской администрации и, наконец, к современным робким попыткам введения парламентарного обзора правления. Одновременно с этими я попытаюсь дать в историческом аспекте представление о развитии политической мысли и ее разновидностях, в частности, за последнее столетие, когда начинает более или менее правильно функционировать орган общественной мысли — современная печать.

Заключение. На основании предлагаемого в предыдущих главах материала я попытаюсь дать синтетическую картину тех сил в их пропорциях и взаимодействии, от которых зависит дальнейшее развитие Индии.

Свое изложение считаю целесообразным снабдить картами, причем я имею в виду следующие карты: 1) Карту, показывающую выдающиеся географические особенности Индии — горные системы, речные бассейны, перевалы, имеющие торговое или стратегическое значение, распространение наиважнейших экономических продуктов. 2) Карту типов и языков. 3) Карту густоты населения с указанием количества осадков (на одной странице). 4) 4 карты, показывающие объединительные стремления Индии до прихода англичан (империя Маурия, империя Гупта, империя Харша, империя моголов). 5) Этапы создания англо-индийской империи [1767–1886 г. — зачеркнуто]. 6) Карта торговых путей до введения железных дорог и открытия Суэцкого канала. 7) Карта современных торговых путей [морских и внутренних — зачеркнуто]. 8) Распределение главных торговых центров в разные эпохи индийской истории. 9) Административная карта современной Индийской империи “независимых” государств.

Минимальный размер этой работы — 15 печатных листов по 40 000 знаков» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 4. Л. 28–32].

К сожалению, эти публикации не осуществились. Но труд А.М. Мерварта «Отдел Индии: Краткий очерк индийской культуры по материалам Индии» содержит в себе наброски его предстоящих научных и педагогических разработок. Рассмотрим же отдельные положения этой небольшой (96 страниц) книги, давно ставшей библиографической редкостью, но доступной в электронном виде в «Электронной библиотеке Кунсткамеры» [http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_04/guide_1927/].

Итак, «Краткий очерк индийской культуры» начинается с определения географических областей Индии, типов ее населения и культур. Естественно, в 1927 г. речь шла еще о единой Британской Индии, а также о многочисленных вассальных британской короне княжествах. Как пишет А.М. Мерварт, «в настоящее время мы обычно отождествляем Индию с Англо-Индийской империей и теми полунезависимыми государствами, которые находятся под защитой, или правильнее, под зорким контролем британского правительства» [Мерварт А.М. 1927в: 1]. Давая характеристику климатическим условиям Индии, он применяет весьма образные сравнения, описывая различные климатические условия удаленных уголков Индии: «С одной стороны, вечная атмосфера оранжереи на Малабаре или на западном берегу Цейлона, с другой стороны, бодрящий горный воздух Кашмирской долины, которая зимой покрывается снегом глубиной почти в 2 м» [Там же: 2]. Столь же образно, подчеркивая контрасты, пишет автор и о населении Индии: «Индия — одна из самых густо населенных частей земного шара. Она вмещает пятую часть человечества — 325 миллионов человек. Эта огромная человеческая масса отнюдь не однородна; наоборот, она представляет собой удивительно пеструю картину типов и культур. Разница между жителями северо-западной Индии и долины Кашмира и населением лесов южной Индии столь же велика, как и разница между итальянцами и неграми. Большая часть населения Индии — результат многовекового смешения нескольких основных типов, которые сохранились в сравнительной чистоте только в немногих местах» [Там же: 3].

Примечательно, что, говоря о культуре народов Индии, Мерварт одним из первых, если не первый, отметил огромное значение в формировании традиционной индийской культуры именно дравидийского элемента. Он отмечает: «То, что мы обыкновенно называем индийской культурой, содержит элементы исконной или дравидийской культуры, наряду с пришлыми, главным образом, арийскими элементами» [Мерварт А.М. 1927в: 7].

После общей характеристики географии и культуры Индии А.М. Мерварт переходит к описанию того, что он с гордостью называет «самым младшим из отделов Музея» [Мерварт А.М. 1927в: 8]. В 1927 г. подавляющее большинство экспонатов, включенных в новую экспозицию МАЭ, составляли вещи, привезенные или зарегистрированные собирателями. Даже спустя почти 90 лет со времени открытия экспозиции материалы экспедиции составляют не менее трети индийских экспонатов музея [Альбедиль, Кисляков, Ревуненкова 2012: 3]. «Коллекции разделены на две общепринятые основные группы: предметы материального быта и предметы духовной культуры. Внутри каждой группы намечено несколько отраслей. По каждой отрасли предметы распределены по большим этнографическим областям, а именно: Цейлон, южная дравидийская Индия, северная» [Мерварт А.М. 1927в: 8].

Экспонаты отдела Индии располагались в том же зале, где и сейчас, только осмотр надо было начинать с другой стороны. В открытом хранении было гораздо больше экспонатов, чем сейчас. Зал одновременно был и научным кабинетом, и фондохранилищем. Для посещения экспозиции организовывались многочисленные экскурсии.

Щиты I и II тогдашней экспозиции отдела Индии были отведены для показа индийского оружия. При этом была предпринята попытка показать эволюцию типов оружия. На первом щите была представлена гордость коллекции — «первобытное оружие» племени нага, в настоящее время хранящееся в фондах МАЭ [Котин, Соболева 2015; Котин 2016]. На щите II помещались самые разнообразнейшие виды вооружения. Примечательно,

что здесь нашел себе место интересный образец комбинированного оружия № 309-157: «Своеобразное соединение пики с огнестрельным оружием достигнуто в экспонате № 20. При ударе наконечником пики производится нажим на пружину, благодаря чему спускается курок пистолета, и происходит одновременно выстрел. Это оружие получено из оружейной палаты бенаресского махараджи» [Мерварт А.М. 1927в: 15]. В год десятилетия Октябрьской революции не принято было вспоминать, что этот экспонат, как и многие другие образцы индийского оружия в Кунсткамере, — дар музею последнего российского императора Николая II [Котин 2014а: 98].

Выделение оружия, начиная с самого примитивного, должно было помочь экскурсоводу рассказать не только о войне, но и об охоте. Следующий большой раздел экспозиции был посвящен рыболовству и судоходству, витрины 5–7 и щит IV — типы земледельческих орудий, которые были представлены весьма разнообразно, начиная с самых примитивных. Но А.М. Мерварт пророчески пишет: «Нужно заметить, что при всей их первобытности орудия эти прекрасно приспособлены к условиям почвы и работы, и среди них есть такие, которые свидетельствуют о большой изобретательности индийского крестьянина» [Мерварт А.М. 1927в: 18]. Исследования почвоведов показали, что современная мощная техника разрушила и погубила почву на значительной части территории Индии, в то время как простейшими плугами и боронами она тысячелетиями обрабатывалась без ущерба для древесного слоя.

Подиум А и витрина 8 были отведены культуре пальм. На современной экспозиции показан застекленный куб с макетом «Сбор кокосовых орехов и обработка их плодов». От него легко перебрасывался смысловой мостик к следующей части постоянной выставки — «Жизнь индийского крестьянина». Витрины 9–16 были объединены А.М. Мервартом под очень точным и образным названием «Индус у себя дома». Здесь были витрины, посвященные индийской кухне, курению, жеванию бетеля, косметике, играм и игрушкам. Витрины 17–28 отражали домашние

ремесла. Примечательно, что в этой связи А.М. Мерварт упоминает касту, но идея о системе обмена товаров и услугами между земледельческими и ремесленными кастами, известная сейчас как *джаджмани*, Мерварту либо была незнакома, либо не воспринималась им как значимая.

Переход от ремесел через плетение к одежде предложен А.М. Мервартом очень удачно. Нужно сказать, что и эта, и многие другие экспозиционные находки сохранены до настоящего времени. От одежды происходил плавный переход к показу обуви и головным уборам, далее — к украшениям. От них рассказ в витринах 29–48 перетекал к индийскому кустарному искусству, далее — к мифологии и обрядам (витрины 49–64, щиты VI–VII). Далее начиналось повествование о народном театре, и здесь А.М. Мерварт имел возможность рассказать о малабарском народном театре *катхакали*, о котором он написал одним из первых [Meerwarth 1926], а также о цейлонских театрах и бенгальском театре марионеток. Витрины 81–88 были посвящены музыкальным инструментам Индии. Наконец, витрина 89 и таблица писем была посвящена «Письму и письменным принадлежностям» [Мерварт А.М. 1927в: 87]. Как видим, музееологическая концепция, разработанная Мервартами, выдержала испытание временем и легла в основу современной экспозиции «Народы Южной Азии» МАЭ.

Столь системного показа материальной и духовной культуры Индии в самой Британской Индии того времени еще не было. Отдельно выставлялись произведения искусства, например статуи индусских богов; отдельная экспозиция могла быть посвящена быту и культуре племен и обычно называлась «Отделом антропологии» (как, например, в Indian Museum в Калькутте). В Калькутте послевоенная экспозиция отражала требования дирекции музея и определялась спецификой коллекций. Она была разделена на секции «Жители Никобарских островов», «Кхаси», «Онге Малых Андаманских островов», «Ченчу», «Урали», «Каниккар» [Anthropological Gallery]. Получить представление о материальной и духовной культуре индийцев в целом по материалам этно-

графической (антропологической) коллекции калькуттского музея невозможно.

Примечательно, что практически одновременно с А.М. Мервартом работу по созданию очерка этнографии Индии вел основатель и первый директор московского Института востоковедения Андрей Евгеньевич Снесарев. Он задумал серию «Индия. Страна и народ», в рамках которой в 1926 г. вышел том «Физическая Индия», в 1927 г. был подготовлен следующий том, увидевший свет, однако, только в 1981 г. — «Этнографическая Индия» [Снесарев 1981].

Заслуживает безусловного внимания и статья А.М. Мерварта «Сюжет Сакунталы в малабарской народной драме» [Мерварт А.М. 1927г].

Вообще интерес А.М. Мерварта к театру был значителен. Л.А. Мерварт также включилась в круг исследователей восточного театра, обратившись к народным малайским театральным представлениям. Она выявила профильные коллекции в других музеях СССР, изучила восточные театральные коллекции в Москве, добилась покупки в Нидерландах для МАЭ собрания яванских марионеток. Свою работу она строила на исследовании музейных коллекций.

Мы уже упоминали о том, что А.М. Мерварт был одним из инициаторов и организаторов выставки «Театр народов Востока», работавшей с 26 марта по 11 апреля 1927 г. в Большом конференц-зале Академии наук СССР и приуроченной к 15-летнему юбилею Государственного института истории искусств. Вместе с ним над созданием выставки и каталога работали выдающиеся востоковеды Н.И. Конрад, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Самойлович, Е.Э. Бертельс [Театр народов Востока 1927].

А.М. Мерварт составил подробный отчет о выставке «Театр народов Востока».

«Выставка “Театр народов Востока” была устроена МАЭ АН СССР, который поручил своему сотруднику ученому хранителю А.М. Мерварту взять на себя руководство работой по выставлению и организации. Выставка была приурочена АН к 15-летнему

юбилею Государственного Института Истории Искусств. В ней участвовали, кроме МАЭ, Государственный Русский Музей — экспонатами по китайскому театру, по китайскому театру теней, по туркестанскому кукольному театру (Петрушка и чадыр- и хаял), Музей Государственных Академических театров — экспонаты по сиамскому театру и по турецкому театру теней «Карагёз»; проф. В.М. Алексеев китайскими лубочными картинками и проф. Н.И. Конрад с картинками и рисунками по японскому театру “Кабуки”. Выставочная мебель — щиты, витрины и т.д. была любезно предоставлена Государственным Русским музеем, Академической Библиотекой, Академическим Архивом и МАЭ. Был образован выставочный комитет, в который вошли А.А. Гвоздев, Н.И. Конрад, А.М. Мерварт, А.Н. Самойлович. Работа по выставке была начата 21 марта и закончена 25 марта. В этой работе, а также в охране экспонатов принимали деятельное и самоотверженное участие слушатели и слушательницы Государственного Института Истории Искусств, которые оказались очень ценными объяснителями выставленных коллекций. На расходы по выставке, охране и т.п. Президиум АН ассигновал 200 руб. Одновременно с приготовлением к выставке было приступлено к составлению путеводителя, который принял форму сборника кратких очерков по представленным на выставке театрам. В его составлении участвовали В.М. Алексеев, Н.И. Конрад, Е.Э. Бартельс, Б.Я. Владимирцев, Ю.Н. Марр, А.М. Мерварт, Л.А. Мерварт, А.Н. Самойлович. Путеводитель был издан Издательством Академии в виде брошюры в 17 стр. с 4 иллюстрациями.

Выставка была открыта 25 марта. На открытии присутствовали представители как ученого, востоковедческого, так и театрального мира, а также целый ряд иностранных консулов, всего свыше 200 чел. Выставка была размещена в Большом Конференцзале Академии и содержала экспонаты, иллюстрирующие с разной полнотой и наглядностью 27 типов театра. Представлены были следующие страны: Япония, Китай, Монголия и Тибет, Сиам, Индонезия, Цейлон и Индия, Туркестан, Персия и Турция.

26 марта выставка была открыта для обозрения широкой публикой ежедневно от 3–6 часов. Среднее количество посетителей было около 200 в день, или около 3000 за все время, причем состав посетителей был главным образом высококвалифицированный. Преобладал преподавательский и студенческий состав наших востоковедческих вузов, с одной стороны, и театральных и художественных организаций, с другой стороны. Целому ряду специалистов в этих двух категориях давались подробные объяснения организаторами выставки. В общем замечался большой интерес как среди специалистов, из которых многие приходили по нескольку раз для подробного ознакомления, как и среди широкой публики.

Материал, выставленный для обозрения, приобрел особо глубокое значение благодаря тем лекциям, которые были прочитаны специалистами, большей частью в помещении выставки при экспонатах. В этих лекциях предполагалось изложить в научной, но в то же время доступной форме, историю театра каждой страны, связь театра с общей культурой, возникновение театральных разновидностей, технику отдельных родов театра, положение актера. Этой задаче были посвящены следующие 7 лекций:

В.М. Алексеев. О китайской драме (ее связь с конфуцианской культурой и мировоззрением Китая).

В.М. Алексеев. О китайском актере (роль актера и история китайской культуры. Театральная техника).

Е.Э. Бартельс. О персидском театре (шиитская мистерия «Тадиз и скоморошеский театр Персии).

Н.И. Конрад. О японском театре (история эволюции японского театра и особенности театров Но и Кабуки с подробной разборкой их техники).

А.М. Мерварт. Об индийском театре (народный театр, в основном культовые действия в честь Вишну).

Л.А. Мерварт. О малайском театре (эволюция театра актера с одной стороны и театра теней и марионеток с другой стороны).

А.Н. Самойлович. О турецком театре (теневой театр “Карагёз” и его роль в театральной жизни).

Лекции сопровождались демонстрацией выставленных экспонатов или световых картин. Средняя посещаемость была около 150 чел., причем среди слушателей было много научных и театральных деятелей.

Судя по отзывам целого ряда специалистов, как востоковедов, так и деятелей театра, только что закончившаяся выставка имела несколько, надо думать, длительных результатов. С одной стороны, она способствовала освещению проблем развития драматических и театральных видов и их перехода из одной страны в другую, и даже [давала] наглядное представление об этой важной стороне культуры восточных стран. С другой стороны, она ознакомила деятелей театра, как теоретиков, так и практиков, с мало известными формами и техническими приемами театра Азии, подавая таким образом ряд новых идей и импульсов для возрождения нашего театрального искусства» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 1. Л. 2].

С Музейным отделом Народного комиссариата просвещения (Москва) А.М. Мерварт обсуждал составляемую под его редакцией книгу «Этнографические музеи в Западной Европе» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 27]. Предложил он и книжку-приложение к журналу «Вестник знания» под заглавием «Общественная мысль современной Индии» или «Разные течения общественной мысли в современной Индии» объемом 3–4 печатных листа [Там же. Л. 4].

Тема народных представлений и театра всегда была важна для Мервартов. Во время путешествия по Цейлону и Индии они не раз были свидетелями народных представлений, старались зафиксировать порядок их исполнения, сфотографировать сцены, по возможности купить театральные костюмы и реквизит. «Время <...> пребывания в Траванкоре мы использовали также для изучения совершенно неизвестного в Европе типа театральных представлений религиозного характера, известного под именем “катакали” или “аттакатха”. На них можно проследить постепенный переход от эпоса к драме. Мы присутствовали на одном представлении, сфотографировали актеров в их свое-

образных костюмах и приобрели полный набор одежды и реквизита» [Мерварт, Мерварт 1927: 13]. Позднее описание театра *катхакали* А.М. Мерварт дал в большой статье (по существу книге), опубликованной в 1926 г. в парижском “Journal Asiatique” [Meerwarth 1926], русского перевода которой до сих пор нет. Когда супруги Мерварт добрались до Кашмира, то и там они сумели найти материал по театральным действиям — театр народной сатиры кашмирских скоморохов (*бханда*) [Мерварт, Мерварт 1927: 17]. В древней Маттре (Матхуре) Мерварты присутствовали на представлении «Раслила» и сделали около 80 фотографий [Там же: 19]. Отдавая дань народному театру, А.М. Мерварт не упускал из вида и информацию о новейших открытиях в области классического театра. Он занимался переводом классических образцов санскритской драмы — «Пратима натакам» и «Абхишека натакам» [Там же: 20]. В 1917 г. в «Ученых записках» Азиатского общества Бенгалии была опубликована его статья «Пьесы Бхасы. Литературоведческое исследование» [Meerwarth 1917].

С издательством “Academia” А.М. Мерварт договаривался о книге «Народный театр Индии» объемом 6 печатных листов.

«Ссылаясь на личные переговоры с зав. Издательством гр. Кроленко¹³, настоящим позволяю себе представить Вам краткий конспект книги под названием “Народный театр Индии”. Размер предполагается 6 л. по 40 тыс. знаков. Стиль изложения научно-популярный. Кроме того, книга будет снабжена иллюстрациями по оригинальным снимкам, сделанным мною в Индии. Количество иллюстраций будет определено особым соглашением. Книга состоит из двух частей. Первая, общая часть содержит следующий материал:

1) Связь народного театра с разными сторонами народного быта: Драма и обряды (Schmidt). Драма и мифология. Драма проблемы обыденной жизни — экономические и социальные.

¹³ Кроленко Александр Александрович (1889–1970) — директор издательства “Academia”.

2) Отношение народной драмы к разным типам индийской литературы: литературные источники — народный эпос: Махабхарата и Рамаяна. Собрания легенд — Пураны. Народный фольклор — сказки, былины. Элементы народной драмы в классической придворной драме, влияние последней на народную сцену.

3) Техники народного театра: элемент танца. Употребление масок и костюмов. Роль музыки, пения и размеренной речи. Сцена, обстановка, реквизит. Участие зрителя.

4) Социальное и культурное положение актера: актерские касты и наследственность актерской профессии. Участие женщин в актерской профессии. Актеры в оценке народных масс.

Во второй части мною будут описаны пять типов народной драмы, а именно:

А) театр масок на о. Цейлон (коланадува) Callway; б) танец-пантомима на Малабарском побережье Индии (Катако); в) деревенские драмы в память любви Кришны и Радхи в Бенгалии (джатра) Nilakande Chatterji; г) мистерии рождества и подвигов Кришны, представляемые в Хиндостане (Раслила); 5) сатирические сцены — импровизации в Панджабе и Кашире (Бханда).

О Вашем решении о приемлемости этого плана, а также о времени заключения договора и общих его условиях благоволите поставить меня в известность письменно по адресу: МАЭ АН или по тел. в МАЭ: сл. 6-21-23, дом. 4-95-04» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 13].

Книга в свет не вышла, но ее материалы были использованы для написания статей коллективного сборника «Восточный театр», вышедшего в том же издательстве “Academia” в Ленинграде в 1929 г. под редакцией А.М. Мерварта [Мерварт А.М. 1929а]. Авторы статей — Л.А. Мерварт, Н.И. Конрад, Б.А. Васильев. А.М. Мерварт написал введение, предисловие и объемную главу «Индийский народный театр». В статье приводится описание религиозных мистерий веддов и сингалов, народных представлений малаяльцев — катхакали, жителей северной Индии — раслила и, наконец, бенгалцев — джатра.

Именно опыт представлений *джатра* был учтен Герасимом Лебедевым при создании (переделке английских) пьес на бенгальском языке. Биограф Герасима Лебедева Хаят Мамуд пишет о них так: «До появления тетра народные увеселения в Бенгалии имели форму балаганов, спектаклей-*джатра*, выступлений сказителей, музыкально-песенных представлений по случаю религиозных и прочих праздников, шутовских и пародийных сценок» [Мамут 2012: 367]. А.М. Мерварт знал, что «в Бенгалии сохранились народные мистерии, посвященные преимущественно разным воплощениям Вишну, так называемые *джатра*» [Мерварт А.М. 1929а: 78], и видел представление *джатра* в Серампуре [Там же: 78, сн. 1].

Драматург Г. С. Венецианов¹⁴ принес Л.А. Мерварт свою пьесу объемом 103 машинописные страницы. Ее действие происходит в вымышленном индийском городе Бишенпуре [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 73; Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 465. Л. 35–45]. Летом 1927 г. он даже трижды писал ей по этому поводу в Брухзаль [СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 545. Л. 4]. Пьеса была поставлена под названием «Джума Машид» в Московском драматическом театре (бывший Корша) в конце 1927 г., в Ленинградском Большом драматическом театре 3 марта 1928 г. [Государственный 1939: 40].

В 1928 г. А.М. Мерварт стал одним из инициаторов Ленинградского первого рабоче-крестьянского радиоуниверситета, зав. отделом культуроведения, привлек к работе разные ученые силы [Соболева 2017]. Сам Александр Михайлович прочел по радио цикл лекций о первобытной культуре, земельном вопросе в Индии, об увязке музеев с радиовещанием. Он был членом

¹⁴ Венецианов Георгий Семенович (1896–1965) — советский драматург, режиссер и сценарист, заслуженный деятель искусств РСФСР (1956); художественный руководитель Ленинградского цирка (с 1946). Свою пьесу «Джума Машид» о борьбе народа Индии против колониализма он вместе с поэтом А. Жаровым переработал в пантомиму «Индия в огне», с успехом шедшую на ленинградской и московской аренах.

правления Радиоуниверситета и принимал активное участие в выработке программ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 10. Л. 12]. Разрабатывая методику заочного обучения по радио, он предлагал увязать работу Радиоуниверситета с музеями как наглядными пособиями, связав их с экскурсионной работой Политпросвета, а тексты лекций издавать как печатное приложение к газете «Ленинградская правда» [Там же. Л. 31].

В декабре 1927 г. за свои научные заслуги А.М. Мерварт был избран членом-корреспондентом Всеукраинской научной ассоциации востоковедов и действительным членом Коллегии востоковедов при Азиатском музее [Вигасин 2003: 392]. Президиум АН командировал его в Харьков со 2 июня 1929 г. на съезд востоковедов с ассигнованием 70 руб. Делегатам предоставлялась бесплатная квартира и содержание [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1929. Ед. хр. 5. Л. 56].

К октябрьским дням 11 июля 1929 г. заведующий экскурсионно-лекторской базой ЛООНО Чудаков предложил устроить в МАЭ дополнительные экспозиции на тему «Индия и Китай в борьбе за национальную независимость». Дирекция отказалась, сославшись на подготовку выставки по истории и типологии религий (антирелигиозной) и отсутствие необходимых материалов. Последовало письмо в Президиум АН СССР с констатацией, что *«экскурсионная работа по отделам Китая и Индии без указанной дополнительной экспозиции совершенно не отвечает современным задачам политикопросветительской работы»*, но с оговоркой, что *«дополнительная экспозиция будет состоять главным образом из диаграмм, таблиц, карт, рисунков, фотографий, т.е. материалов, подбор и изготовление которых не может представлять особых затруднений»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1931. Ед. хр. 18. Л. 29]. Письмо обсуждалось на заседании 17 августа 1929 г. Было признано считать создание в МАЭ выставки «Индия в борьбе за национальную независимость» *«принципиально весьма желательным»*, ассигновать из общеакадемических средств сверхштатно 400 руб. в начале октября и согласовать вопрос с Музеем революции, который мог бы участвовать в выставке с неко-

торыми своими экспонатами [Там же. Л. 28]. Совет МАЭ поручил подготовку выставки А.М. Мерварту [Там же. Л. 24]. Он сделал работу, но открытие пришлось отложить из-за болезни, о чем А.М. Мерварт уведомил Правление экскурсионно-лекторской базы Политпросвета 28 октября 1929 г.:

«Это совершенно неожиданное заболевание расстраивает, к сожалению, до известной степени наши планы относительно той выставки, которую я по Вашему предложению подготавливаю к Октябрьским торжествам. Дело в том, что я с августа месяца без помощника и кроме меня решительно некому планировать и устраивать эту выставку. Как это ни печально, придется отложить открытие выставки на 2–3 недели. Я вполне сознаю, что это до известной степени нарушает Вашу программу, но в данном случае я совершенно бессилен. Насколько мне известно, к торжествам предполагается открытие очередной выставки Эволюционного Отдела и перевыставление Китайско-Японского Отдела, т.ч. может быть неудобство не будет ощущаться слишком сильно.

С другой стороны, такая невольная отсрочка выставки “Индия в борьбе за национальную независимость” будет иметь и свои выгодные последствия. После разговора с Вашим специалистом по методологии и с т. Якимовой мне стало ясно, что заданная Вами тема должна быть больше, чем временной выставкой. Она должна быть лейтмотивом перевыставления всего отдела, иначе получится в одном и том же помещении не одна, а две экспозиции, которые органически связать друг с другом совершенно невозможно. Стало быть, придется имеющийся музейный материал перевыставить, подчиняя его главному лейтмотиву. Я имел по этому поводу продолжительный разговор также и с директором Музея Революции т. Капланом, который придерживается вполне этого мнения. Было бы крайне желательно обсудить этот важный и принципиальный вопрос совместно с Вами и теми из ваших специалистов, которые им интересуются, а также с представителями Музея Революции. От последнего учреждения я уже получил согласие на сотрудничество, так как эта тема интересует

их не меньше, чем меня и Вас. К Вашему сведению я могу сообщить, что от Академии наук я получил в порядке сверхсметного ассигнования 400 руб. на эту выставку и что около 20 карт и диаграмм уже готовы. Что касается материалов для истории политического движения, в частности фотографий и вещественных материалов, а в значительной степени и новейшей литературы, то мне придется по всей вероятности съездить Москву, для установления контакта с Восточной Секцией Наркоминдела и с индийскими представителями в Коминтерне. Как только я выздоровлю, я надеюсь встретиться с Вами для всестороннего обсуждения этого интересующего нас обоих вопроса.

С товарищеским приветом, Зав. Инд[ийским] Отделом МАЭ А. Мерварт» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 55–55 об.].

Выставка состоялась с 3 июня по 28 июля 1930 г., уже без А.М. Мерварта. Сохранилась «Тетрадь с отзывами по выставке» объемом 60 страниц, записи на которой свидетельствуют о том, что посетители — рабочие и военнослужащие — живо интересовались современной историей Индии и следили за политическим положением в мире [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1930. Ед. хр. 15].

Также А.М. Мерварт разработал обширный проект Музея истории труда, который предстояло представить Академии наук, но этого не случилось в силу произошедших перемен.

В 1929 г. Государственный Эрмитаж и Государственный Русский музей планировали устроить выставки по истории религии. Дирекция МАЭ предложила осенью организовать большую антирелигиозную выставку в большом конференц-зале АН, затем сделать ее постоянной в помещении бывшей Галереи Петра I (3-й этаж МАЭ по Таможенному переулку), создать постоянный отдел в МАЭ, издать путеводитель, читать лекции. А.М. Мерварта вновь просили составить точную смету и план выставки [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1929. Ед. хр. 15. Л. 1, 5 об.]. Еще в 1927 г. МАЭ приступил к разработке проекта реорганизации отдела эволюции и типологии культуры. В основу работы нового

отдела были положены тезисы докладной записки, представленной директору музея А.М. Мервартом [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 1. Л. 5]. 12 декабря 1929 г. директор МАЭ обратился в Президиум АН с просьбой разрешить В.Г. Богоразу и А.М. Мерварту выступить с докладами на ближайшем заседании Президиума об устройстве выставки «История и типология религии» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1929. Ед. хр. 5. Л. 90]. Как видим, Александр Михайлович в конце 1920-х годов был одним из самых авторитетных ученых и музейных работников, чей талант и знания были востребованы.

Труднее приходилось Л.А. Мерварт, на чьем попечении было двое маленьких детей. Но и она старалась по возможности заниматься наукой. Летом 1929 г. Л.А. Мерварт организовала кружок для школьников. Четыре мальчика 16–17 лет — Ионис (сын торговца), Рожденец (сын работника Академии) и другие полтора месяца изучали первобытную докаменную культуру (на примере Андаманских о-вов) и первобытную коммуны (на примере батаков) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 312].

Все в большей степени Л.А. Мерварт определяла полем своей исследовательской деятельности британскую Малаю и Нидерландскую Индию (Индонезию). Еще находясь на о-ве Цейлон, она обращала внимание на сходство многих обычаев и элементов материальной культуры сингалов и малайцев [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 62]. Она была воодушевлена возможностью отправиться туда для сбора этнографических коллекций: *«Мои “разумные” взгляды, по словам голландских ученых, сделали чрезвычайно вероятным, что генерал-губернатор Голландской Индии, личный друг Snouik Hurgroņje, разрешил бы мне въезд в Индонезию, буде АН меня командировала бы. Въезд в Индонезию вообще для граждан СССР почти невозможен. Генерал-губернатор отказывает в разрешении. Мне же было ясно, что для более серьезного и глубокого знакомства нашего с этой богатой и чрезвычайно важной областью требуется поехать туда и привезти оттуда не только сведения, но и иллюстрирующие жизнь населения коллекции, выставить их у нас и сделать доступными для широких масс,*

так же как, например, иллюстрирована у нас, в МАЭ, Индия» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 244 об. — 245].

Готовясь к экспедиции в Индонезию, Л.А. Мерварт изучала все доступные ей в СССР и за границей материалы на 1927 г. Управление делами АН СССР выдало ей удостоверение № 255-210 (действительное до 1 февраля 1930 г.) для предоставления в Ленинградское отделение Госбанка на предмет подачи заявления о переводе денег на иностранную научную литературу, поскольку она *«по роду своей научной работы имеет надобность в выписке из заграницы научной литературы для личного пользования по 10-рублевой норме»* [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 1041. Л. 13]. Когда летом 1927 г. потребовалось срочно составить производственный план и смету работы отдела Индонезии на пятилетку 1/IX-1928 — 1/IX-1933 гг., Л.А. Мерварт, находясь на даче, сделала это за один вечер, разделив расходы на рабочие и приобретательские [СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 279. Л. 3–3об.]. Вдогонку она писала Д.К. Зеленину 7 июля 1928 г.:

*«п/о Луга, деревня Новые Крупели, дача И. Байкова
Многоуважаемый Дмитрий Константинович,*

При сем посылаю Вам смету на пятилетие 1928–1933 гг. по отделу Индонезии. Прошу извинить ее задержку. Б.Н. Вишнеvский¹⁵ письмом от 28-го июня сообщил мне о необходимости ее составления, но по почтовым условиям деревни, где я провожу свой отпуск, письмо это было мне доставлено 4-го вечером. Утром 5-го я послала в Ленинград воспитательницу моих детей с письмом и сметой Вам. Однако сегодня ночью нарочный привез мне от нее прилагаемую телеграмму, и я сейчас поеду сама в Лугу послать Вам эту почту. Авось я Вас своей задержкой не подведу.

В смете я не указала расходов на дезинфекцию, пересылки, бу-магу и проч. входящие в общемузейный расход. Кроме того, для правильного функционирования такого экзотического отдела, как

¹⁵ Вишнеvский Борис Николаевич (1891–1965) — советский антрополог, археолог, географ, этнограф. Ученый хранитель МАЭ (с 1923), зав. отделом антропологии, профессор ЛГУ (1929).

мой, мне необходимы командировки за границу (Голландия, Англия, Франция, Германия, Португалия). Но, кажется, суммы на нас идут не из музейных, а из обще-академических средств. Если командировки эти должны быть включены, то включите их, пожалуйста, три по три месяца каждая. Суммы на них исчислять не придется, ибо они исчисляются сообразно получаемого содержания.

Если у Вас остаются неиспользованные библиотечные деньги, приобретайте по моему списку. За сим желаю Вам всего наилучшего и жму руку.

Людмила Мерварт» [СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 279. Л. 3–3 об.].

Для поездки в Индонезию Л.А. Мерварт изучала арабский язык на восточном отделении Ямфака ЛГУ в 1928–1929 гг. под руководством В.А. Эбермана [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 340]. Много лет спустя именно она стала в Москве пионером изучения и преподавания малайского языка [Алиева 1988; 2008; 2010].

Казалось бы, впереди — новые успехи. Но жизнь распорядилась иначе. Хотя в Париже А.М. Мерварт совершенствовался в изучении тамильского и подготовил первую в отечественной индологии «Граматику разговорного тамильского языка», именно в 1927 г. он получил извещение с Ямфака (факультет языкознания и материальной культуры), что «оставлен без поручений с правом получения двухнедельного выходного пособия», а на следующий год был вычеркнут из состава преподавателей [Вигасин 2003: 393].

А.М. Мерварт написал заявление на имя декана факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ профессора Н.С. Державина (помета — «оправлено 24 декабря 1927 г.»).

«Глубокоуважаемый Николай Севастьянович, настоящим довожу до Вашего сведения, что вчера мне было заявлено в канцелярстве и в канцелярии факультета, что я вычеркнут из списков преподавательского состава факультета. На вопрос о причине этой меры мне было заявлено, что ввиду того, что еще не приступил к занятиям.

Для выяснения этого обстоятельства должен Вам заявить, что здесь произошло некоторое недоразумение, в котором не могу считать[ся] единственным виновным. Как Вам известно, благодаря сокращению штатов, я первоначально не попал в число преподавателей по циклу Языков и Культур Востока Ямфака. В первых числах ноября Предметная Комиссия восточного цикла постановила поручить мне 1 курс в размере 2 часа в неделю по истории культуры Индии. Об этом мне сообщил представитель цикла, прибавив при этом, что это постановление потребует ещё санкции высших административных органов, в т.ч. Президиума факультета. Я, следовательно, ждал соответствующего официального извещения, такового не последовало. 20 ноября я, будучи болен гриппом, просил свою помощницу по музею справиться в казначействе, имеется ли моё имя в требовательной ведомости, и узнал, что мне причитается вознаграждение за октябрь и первую половину ноября. Это я использовал как указание на то, что поручение Университета было санкционировано. После моего выздоровления в начале декабря я решил, что начинать курс за три недели до конца семестра нецелесообразно и что гораздо лучше для студентов слушать его в течение весеннего семестра при 4 недельных часах. 12 декабря я вывесил объявление и сговорился со слушателями относительно курса. Таким образом, курс будет прочитан полностью.

Ввиду вышесказанного я очень прошу Вас дать распоряжение о восстановлении меня в списках преподавателей факультета и в требовательной ведомости и о Вашем решении любезно известить меня» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 28].

В 1928 г., 3 января, А.М. Мерварт писал председателю цикла восточных языков и культур факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ профессору Александру Арнольдовичу Фрейману с приложением копии письма декану и просил «способствовать устранению этого досадного недоразумения, дабы я мог приступить к чтению курса, необходимого по существу и обязательного для студентов» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 30].

Он продолжал разрабатывать и читать курсы на факультетах ЛГУ.

Из научного наследия А.М. Мерварта сохранились разрозненные выписки и учебные материалы [СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 465; Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 468], перевод мистерии в пяти действиях Бхасы «Подвиги младенца Кришны» (с надписью «начато в Дели 1 ноября 1916 г., кончено в Серампуре 31 мая 1917 г.») [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 72]. Машинопись пьесы («Bhasa. Svapna-Vesavadattam» без титульного листа) в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН в фонде М.И. Тубьянского [АВ ИВР РАН. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 44], также репрессированного индолога, — перевод «Свапнавесавадатты», очевидно, выполненный А.М. Мервартом [Вигасин 2003: 394].

В архиве СПбФ АРАН хранятся отдельные фрагменты работ Л.А. Мерварт. Еще 2 апреля 1923 г. в Харбине она написала заметку о париях «Об одном браке», но не стала публиковать этот ланкийский сюжет [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 66]. В своем полевом дневнике № 1 она выделила 56 интервью на тему народных верований сингалов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60]. Л.А. Мерварт подготовила научно-педагогические материалы для МАЭ о жизни малайской деревни [Там же. Ед. хр. 64] и о способах украшения одежды из древесной коры у индонезийцев [Там же. Ед. хр. 65], о малайском театре [Там же. Ед. хр. 71], о границах районов Нидерландской Индии [Там же. Ед. хр. 68]. Интерес представляют подготовленные ею очерки «Этнографические музеи Голландии», имеющий подзаголовок «Основные идеи голландского музейного строительства» [Там же. Ед. хр. 74], и «Современное положение изучения голландской этнографии», посвященный современным тенденциям нидерландского краеведения [Там же. Ед. хр. 75].

Л.А. Мерварт надолго пережила супруга. К сожалению, в 1930-е годы она оставила занятия индологией и никогда больше не возвращалась к этой тематике, посвятив себя в основном маляистике.